

Красный тайфун

Автор:

Владислав Савин

Красный тайфун

Владислав Олегович Савин

Военная фантастика Морской волк #13

У России часто получалось выигрывать войны, но гораздо реже удавалось выиграть мир. Война в Европе закончена, но на Дальнем Востоке продолжается конфликт с милитаристской Японией, еще сохранившей третий по силе флот в мире. Удастся ли нашим современникам, используя лишь свои знания и опыт, отомстить за Цусиму и Порт-Артур?

Влад Савин

Морской волк: Красный тайфун

© Влад Савин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Благодарю за помощь:

Толстого Владислава Игоревича, Сухорукова Андрея, Шопина Василия. А также читателей форума Самиздат под никами Old_Kaa, omikron, HeleneS, Библиотекарь

и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги. И конечно же, Бориса Александровича Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Отдельная благодарность глубоко уважаемому Н. Ш.

Также благодарю и посвящаю эту книгу своей жене Татьяне и дочери Наталье, которые не только терпимо относятся к моему занятию, но и помогают, чем могут.

Лазарев Михаил Петрович. Из ненаписанных мемуаров

Политика – это продолжение войны иными средствами? Или война – это продолжение политики, как там классик сказал?

И мы, русские, Советский Союз, только что победили в самой страшной войне, какую вообще когда-либо знало человечество – во Второй мировой. Исход которой, при всем уважении к союзникам, решался вовсе не в песках Эль-Аламейна, не на пляжах Нормандии и не в джунглях Гуадаканала.

Пройдет пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет – и нас будут называть рабами сталинского режима. И требовать покаяться перед человечеством неведомо в каких грехах. Так будут говорить те, кто сами не жили в то время, но считали правдой собственные страшилки про «заваливание трупами», про «геройские штрафбаты», про заградотряды, стреляющие по своим, при пятьсот миллионов изнасилованных немцев. Нет, сталинский СССР не был раем на земле – он был всего лишь страной, вынесшей самую страшную войну, победив и не сломавшись.

И когда мы, в 2012 году, выйдя в поход в Баренцевом море, пока неведомым науке способом провалились в 1942 год, у нас не было сомнений, чью сторону принять.

Теперь нам предстоит выиграть мир – здесь, в 1945-м. Прошло уже три года, как мы сюда попали – экипаж атомной подводной лодки К-119 «Воронеж» и приданная ей на тот поход группа подводного спецназа СФ. И мы, привыкнув, уже не стремимся домой. Поскольку есть шанс, что здесь у СССР выйдет то, что

не удалось там.

Выиграв войну – выиграть и последующий мир. У нас ведь, сирых и убогих, принято, что война – это как Отечественная: мобилизация, страна как единый лагерь, и всё для фронта, всё для победы! В то время как цивилизованный Запад считает, что война обязана быть гуманной, быстрой и легкой, без моря крови и грязных окопов – в идеале, чтобы свое население про нее и не слышало, это дело профессионалов! Сражения слишком дорого обходятся – Бушу-старшему победа «Бури в пустыне» после стоила президентства, избиратели не простили ему снижения социальных программ из-за военных расходов. А потому по-новому война должна начинаться еще до собственно войны, разложением противника изнутри, всеми мерами – экономическими, пропагандистскими, психологическими. Ослаблять его системные целостности «государство», «общество», «нация», вызывать распад на отдельные, несвязанные и даже враждующие друг с другом элементы – посредством сепаратизма, национальной и религиозной вражды, недоверия к власти, поощрения собственнических шкурных интересов. После чего – ввод миротворческого контингента, обеспечивающего порядок; причем это развитие событий (наведение хоть какого-то порядка) приветствуется значительной частью населения побежденной страны (Югославия). Или же – «блицкриг» против заведомо ослабленного и дезорганизованного противника, при минимальных своих потерях (Ирак).

Это даже больше характерно для конкуренции, чем для военного искусства. Разорение корпорации, как правило, не означает физического уничтожения ни имущества, ни людей; мишенью является системная целостность, которая разрушается самыми разными способами, включая и прямые гангстерские, но не замыкаясь исключительно на них. А методы разрушения противника изнутри – это та же технология рекламы в военных целях. И совершенно справедливо утверждение Лиддел Гарта о современном нашествии в армию и штабы «штатских генералов», при погонах сохраняющих мышление и психологию гражданских политиков. Что лишний раз подтверждает тезис Маркса о том, что война несет на себе неприменный отпечаток господствующей в обществе политической культуры.

Вот только эта стратегия вовсе не «новая». Попался мне уже в этом времени номер «Военного вестника». Где была весьма интересная статья про малоизвестную у нас войну в Марокко в начале двадцатых. Которая тогда для Франции и Испании сыграла ту же роль, что для нас – Афган. Ну до чего все

узнаваемо – половина армии сидит по «блокпостам», боясь высунуть нос за ограду, вторая половина героически проталкивает ей конвои со снабжением, а партизаны полностью владеют «зеленкой». Чем больше контролируемая территория, тем больше нужно блокпостов, тем труднее их снабжать – замкнутый круг. Бесполезные попытки воевать с партизанами по фронтовой привычке, используя танки и тяжелую артиллерию, приводят лишь к трате боеприпасов. Единственный выход – создание небольших маневренных групп, но хорошо обученных и обеспеченных связью (аналог позднейшего спецназа!).

Написана хорошим языком, вполне даже для начала двадцать первого века. Вот только автор – М. В. Фрунзе, 1925 год! Кстати, любопытно, откуда были известны многие мелкие подробности – имена, детали боестолкновений? Не иначе были среди повстанцев «товарищи ли си цыны» из Коминтерна? Но там после еще общие выводы есть – на тему, как англо-французские колонизаторы за сравнительно короткое время в конце XIX – начале XX века покорили огромные территории, при вполне приемлемых затратах – не было ни надрыва экономики, ни потока гробов?

Сначала шли миссионеры. Возможно даже, искренне считающие себя друзьями местного населения – как сегодня улыбчивые американцы, везущие гуманитарную помощь в бедную голодающую Албанию, или Эфиопию, или даже Россию. Но их личное отношение ничего не решало. Задачей этого предпервого эшелона вторжения, говоря по-военному, разведгрупп, кроме сбора информации, был первый, культурный удар. Сказать дикарям, что они дикари – а где-то за морем есть цивилизованные страны, где бусы и зеркальца задешево продаются на каждом углу, а пустые консервные банки валяются на улицах. Что вы – бедные и убогие, до белого человека вам еще пахать и пахать...

Затем приходили торговцы. Везли товар, часто очень нужный и полезный. Железные плуги и лопаты – отчего, прямо по Марксу, развивались собственнические отношения. Но чаще – предметы роскоши, вроде бижутерии и тканей. Добивались расположения, прежде всего, местной элиты. Очень скоро становились этой элите необходимыми. Пока еще смиренно просили – в обмен на очередную партию бус или иного ширпотреба – участок земли для фактории. Это был – уже первый эшелон: штурмовые группы, закрепляющиеся на вражеском берегу.

Следующая стадия – наращивание сил на плацдармах. Торговцы множились, прибирали к рукам местный товарооборот и прочую экономику. Переходили, по

Марксу, «от вывоза товаров к вывозу капитала» – концессии, плантации и рудники, даже железные дороги, короче – «свободные экономические зоны». Для охраны – военные базы на чужой территории (обычно порты или удобные бухты). Здесь уже появлялись солдаты, поначалу – в составе очень ограниченного контингента; однако в любой день сюда мог уже войти флот с десантом. Дальнейшее подчинение местной элиты – уже до создания в ней «иностранной» партии верных прихвостней. Сделать все, чтобы эта партия стала правящей – всеми мерами, включая открытый бандитизм, причем вся грязная работа – руками местных кадров, от белых господ – лишь деньги и оружие.

Доходило даже до организации вооруженных народных возмущений против отсталых феодально-реакционных правителей, под флагом «эгалите, либерте». Правда – лишь против тех правителей, кто был неугоден.

Наконец, кто-то говорил пришельцам «нет». Жадность становилась чрезмерной, или нельзя уже было оставаться в рамках: например, рудник можно построить, а железную дорогу к нему – уже нет, землю не отдавали. Или – ради получения прибыли требовалось нарушить какую-то из сильных местных традиций. Тогда наступало время следующего действия: государственный переворот вместе с войной. Среди элиты находился наиболее продажный. Если это был сам Вождь, султан или эмир – все очень упрощалось. Если нет – задачей было столкнуть своего претендента и законного Вождя, благо еще от миссионеров было хорошо известно, кто кого не любит и за что. Если были еще недовольные – срамливали их между собой. Если выбранный вождь бунтовал – подбирали другого. Воинству претендента подбрасывали оружие, посылали инструкторов и подкрепляли своими войсками. Однако эти войска ни в коем случае не должны были стоять в первых рядах сражения. Мы не агрессоры – мы миротворцы в ГРАЖДАНСКОЙ войне. «А теперь, грязные голые дикари, пора становиться нашими подданными».

И не обязательно после – оккупировать страну, наводнять ее своими солдатами и чиновниками. В стране, на всех картах отмеченной как французская или британская колония, народ в провинции мог вовсе не видеть чужих мундиров. Не только прежняя местная администрация или племенные старейшины остаются на своих местах – даже глава государства, эмир или султан, номинально числится главой. Правда, сам он хорошо знает, что при малейшем неповиновении белые господа тотчас найдут другого претендента, и остальные местные во власти – тоже не более чем пешки. Пешки, однако, необходимы: ГЛАВНАЯ ФУНКЦИЯ МЕСТНОЙ ЗНАТИ – ОБЪЯСНЯТЬ НАСЕЛЕНИЮ

НЕОБХОДИМОСТЬ УПЛАТЫ НАЛОГОВ. Самое гнусное – что, как правило, эта знать служила хозяевам не за твердое жалованье, а за «излишки налоговых поступлений». Предполагалось, что народ будет спокойнее, если грабить его будет не чужой солдат, а собственный старейшина. Армия, кстати, тоже сохраняется – как вспомогательные туземные полицейские части, под командой и строгим надзором белых офицеров. Перевооруженные европейскими винтовками, – но патроны к ним надо покупать у белых господ, так что не побунтуешь!

Дальше – цивилизация, глобализация. Хотя второго слова тогда еще не было, но суть та же. В стране мир и порядок, работают плантации, рудники, железные дороги и порты. Добывают и везут в метрополию сырье, в обмен на бусы или чего-там-еще для личного потребления. Те, кому повезло – работают на новых заводах и рудниках, за гроши, на которые никогда не согласился бы белый. Эта «экономически оправданная часть населения», как сказала какая-то шваль в моем времени, насчитав в России этой категории «не больше 20 миллионов». Прочему же населению дозволено жить или помирать, как ему угодно. «...наряду с новыми фабриками, заводами, нарядными европейского вида городами, на каждом шагу – картины невероятной нищеты и упадка, какого никогда раньше не знало Марокко. Улицы покрыты тысячами нищих, в жалких лохмотьях, влачащих самое жалкое существование, и это число безработных и нищих растет с каждым новым успехом французского оружия. Самая дикая, возмутительная, массовая пролетаризация, вернее – пауперизация страны».

Но это уже – не белых людей проблемы. Главное – порядок и покой. И не надо без нужды заливать страну кровью, это нерационально и просто дурной тон. «Никакой выжженной земли. Нам нужны подданные, а не трупы. Силу применять лишь в необходимой для усмирения мере». Террор не то что не нужен, но становится «высокоточным оружием»: против какой-то отдельной группы, сословия, народности; даже «гуманизм» здесь – это «пряник», который в паре с кнутом, чтобы поощрять сдающихся. Зачем нести ответственность за непопулярные меры, и посылать собственных солдат разбираться с недовольными? Легче и лучше – свалить все на местных.

Кстати, то восстание риффов в Марокко французы подавили, весьма широко применяя дипломатию – срамливая между собой местные племена. Белые солдаты обычно вступали уже на завершающем этапе. При том что через Марокко прошли практически все дивизии французской армии мирного времени (по полку, по батальону от каждой). По поводу чего товарищ Фрунзе заметил,

что эта привычка, полезная против повстанцев, после очень помешает французским военачальникам в большой войне, если таковая случится (и ведь как в воду глядел!). Хотя отдельные тактические моменты были очень интересны – так, там впервые в мире танки высаживали с десантных судов (испанцы, при операциях в прибрежном районе). Или первый испанский авианосец «Дедало» – переоборудованный «купец», с которого летали (на нем базируясь) воздушные шары, дирижабли полужесткой схемы, гидросамолеты (наиболее активно), а под конец проводились опыты с сухопутными самолетами (неудачные, палуба была слишком короткой) и автожирами испанского же конструктора Сиервы – причем этот корабль в ту войну с повстанцами использовался весьма активно, оказал реальную помощь своим войскам, так что высокое звание авианосца (без кавычек) вполне заслужил!

Но существенно – что для США и НАТО двадцать первого века весь прочий мир это как колонии для Англии и Франции века девятнадцатого. Раз они всерьез берут за основу ту стратегию, против заведомо слабейшего противника и к тому же жертвы, не владеющей инициативой. Или у них уже мышление такое – помните эпизод из их киносказки про звездные войны, «силы равные – бежим»?

Ну а у нас так не получалось. Поскольку, как однажды изрек Юрка Смоленцев «Брюс», (в 2012 году старлей подводного спецназа СФ, а здесь уже майор и дважды Герой) – «когда Россия была к войне готова, не находилось дураков и самоубийц на нее нападать». Так что у нас что зима, что война, обычно начинались внезапно. Ну а когда мы разозлимся – не взыщите! «Если кто-то, воспользовавшись временной слабостью нашей Родины, сумеет урвать у нас кусок – пусть знает, что рано или поздно мы придем и вырвем проглоченное вместе с брюхом агрессора» – это уже здесь наш командир корпуса на Сахалине сказал, перед началом нашего наступления, так в газету и попало. И ведь сдержал слово – нет больше японского Карафута, свидетельства унижения царской России сорок лет назад, есть единый советский Сахалин, и кто попробует отнять, своей кровью умоется!

Впрочем, за сухопутные войска ни у меня, ни, смею думать, у товарища Сталина беспокойства не было. После фрицев – японцы на суше нам не соперники. Но вот японский флот пока еще представлял грозную силу, в той версии истории побежденную американцами – не нами! А в этой реальности – мы сами плату возьмем, не только за Порт-Артур, но и за Цусиму!

Сегодня 22 июня 1945 года. Четыре года назад, как началось. И год с гаком, как завершилось в Европе, в этой реальности капитуляцию немцы подписали тоже 9 мая, но сорок четвертого[1 - О ходе измененной истории см. предыдущие книги цикла.]. А тут, на Дальнем Востоке, война началась 3 июня. Сейчас в Маньчжурии уже завершается, остатки Квантунской армии загнали в Порт-Артур (вот только хрен вам, долгая героическая оборона!). Наши наступают в Корею, в порту Вонсан высажен десант. Сахалин уже наш, как я сказал. Бои на южных островах Курильской гряды – северные, Шумшу и Парамушир, взяли еще в первые дни наступления, дальше по очереди.

Японцы еще пытаются сопротивляться. Резко активизировалась японская авиация над проливом Лаперуза и островами Кунашир, Итуруп – причем в воздухе были замечены ФВ-190 (а не Ки-84, которые часто принимали за них), впервые за войну! Раков воспринял эту попытку японцев перехватить инициативу как личное оскорбление – мы превосходили числом, качеством техники и подготовкой пилотов, но японские аэродромы были ближе, а потому самураи могли позволить себе большую боевую нагрузку, число вылетов в день. Была битва крейсеров у Сахалина – самураям досталось, но и у нас потери тяжелые! – сыграла роль «генеральной репетиции» предстоящего большого сражения. В штабе флота должный тонус и настрой, куда меньше нервозности, нормальная рабочая атмосфера. А Зозуля даже был рад проверить в реальности кое-какие свои наработки. Ну а я, хотя старался не показывать, волновался, как курсант перед сдачей экзамена. В какой академии готовят командующих флотами?

У японцев здесь – Флот. Пять линкоров, шесть авианосцев, десяток крейсеров, до полусотни эсминцев. Против нашего ТОФ превосходство в разы. И пока эта сила не брошена на весы – победа под вопросом. Мы уже сделали свой ход, свой выстрел, захватывая острова, – а противник еще нет. И нет у меня под рукой «Воронежа», атомарины из будущего, способной в одиночку помножить на ноль даже такой, пока еще третий по силе флот мира.

Есть сильная авиация. Четыре минно-торпедные авиадивизии – две на Сахалине, две в Приморье. Две дивизии пикирующих бомбардировщиков, десять полков носителей КАБ, четыре дивизии истребителей, и свыше десятка отдельных полков. А если самураи близко к берегу сунутся, то и штурмовики пойдут в бой, еще четыре дивизии и шесть отдельных полков – особенность Тихоокеанского театра, что тут по огромной территории разбросаны аэродромы, где сидят именно отдельные части, мало здесь крупных авиаузлов. Как на Балтике,

поработают Ил-2 на подавление ПВО кораблей, торпедоносцам дорогу расчищать. Ну и разведчики, это первое дело. И спасатели, не последнее – с появлением дальних и высотных «хейнкелей» почти все гидросамолеты «каталина» перешли из воздушной разведки в этот разряд, мы же не японцы, своих сбитых не бросаем в море геройски умирать!

Подводные лодки. Вся дюжина «двадцать первых» немок – причем дивизион, Н-2, Н-4, Н-7, Н-8, Н-9, Н-11 успел прибыть в нашу оперативную зону, форсировав пролив Лаперуза без потерь, привел сам Видяев. Второй дивизион, также шесть единиц, развернулся завесой у Южно-Курильской гряды, там же и четыре «Катюши ПЛО» бывшего котельниковского дивизиона, ну это уже зона не ТОФ, а СТОФ (Северо-Тихоокеанской флотилии). В Японском море восемь «ленинцев», и двадцать две «щуки» (хотя от этих я больших успехов не ждал, помня о «подвигах» Придатко со злополучной Щ-139). Ну а «малютки» выпихнули в ближнюю завесу вдоль своего побережья (включая и освобожденную корейскую территорию), просто по принципу «а вдруг». Головной болью для штаба было исключить случаи «своя своих не познаша», и потому авиации было категорически запрещено атаковать любые лодки без особого на то приказа в каждом конкретном случае. Считая, что наших лодок на ограниченной по тихоокеанским меркам территории болталось аж восемь десятков, а у японцев во всем Императорском Флоте было почти вдвое меньше, и большинство их было занято в южных морях.

И две бригады торпедных катеров. Владивостокская – «шнелльботы», Камчатская – ленд-лизовские. Первая полностью обеспечена торпедами с СН, во второй с этим хуже, но тоже есть! Причем десять единиц «владивостокских» перевооружены под крупнокалиберных дальних «японок». И уже есть опыт их боевого применения (бой близ Юки, 13 июня).

А главное, по замыслу моему и Зозули, все эти разнородные силы должны работать, как единая сеть, под общим управлением.

21 июня наш воздушный разведчик Пе-8 обнаружил в море японскую эскадру, в составе два линкора, два авианосца, больше двадцати кораблей прочих классов. Два линкора, тип «Исе», на каждом по двенадцать 14-дюймовых орудий. Идут вдоль восточного побережья Хоккайдо, на север – решили все же помочь своим гарнизонам на Курилах, наши уже успешно выбивают самураев с острова Уруп.

Приказываю коменданту – организовать отдых и питание прямо тут, в штабе. Поскольку, в отличие от дежурного по британскому Адмиралтейству, ушедшего домой спать во время Ютландского сражения, я намерен оставаться на боевом посту, пока битва не завершится, – и все штабные со мной, чтобы поняли, перекусить в рабочем порядке за соседним столом, соснуть часок в соседней комнате на диване – нормальный регламент в походе на атомарине, при выполнении боевой задачи. Вижу, все поняли и прониклись. Командир всегда прав! А если неправ – смотри пункт первый.

Это не самодурство – выслушать подчиненных ты обязан! Речь идет лишь о том, что все должны быть уверены: ситуация под контролем, идет по задуманному тобой плану. И ни в коем случае не видеть твоей растерянности, неуверенности, сомнений. Иначе – ничего хорошего! Как в реальном морском анекдоте – трансатлантический лайнер, не «Титаник», но типа того, примерно в то же время. Капитан входит в салон первого класса, чтобы предупредить пассажиров о шлюпочных учениях – дело нужное, чтоб каждый знал, в случае чего, куда ему бежать. Может, он был отличным моряком, этот капитан, но паршивым психологом: это каким местом надо было думать, чтобы, потребовав внимания, начать свою речь словами: господа, прошу, только без паники. А теперь представьте, что после началось!

Положим, мой штаб паниковать не будет – Зозуля с Роговым тут всех построили, вбивая в головы, что можно, а что нельзя. Но какое первое следствие сомнения в мудрости начальства – правильно: «не спеши выполнять приказ, его могут и отменить». Будут исполнять без старания, спустя рукава, что в иной ситуации равнозначно прямому саботажу! Это ведь пока они, офицеры, кто смотрят на меня в ожидании приказаний, уверены – у меня есть план, и все будет хорошо. А сам я в этом не уверен. Все же японцы – очень серьезный противник на море, в эту войну! И выходят на меня не парой крейсеров, а главными силами!

Так, если японцы идут к Урупу, то курс их проляжет мимо завесы наших подлодок. Метод «опускающейся завесы», когда лодки развернуты строем не поперек предполагаемого курса противника, а вдоль – и выдвигаются на перехват, по данным воздушной разведки. Требуется хорошей работы штаба и четкого взаимодействия с авиацией – зато позволяет последовательно задействовать все силы. А там лучший дивизион из бригады Котельникова – Н-3, Н-5, Н-10, Н-13, ну, акулы белые, не подведете!

Не подвели! Пустили японцам первую кровь! Лодка Н-5, по данным авиаразведки, обнаружила «северное» соединение и успешно вышла в атаку, еще ночью на 22 июня. Может быть, самураи и знали в теории характеристики немецких «тип XXI», – но вот практических навыков борьбы с ними не было, все приемы ПЛО были «заточены» под американцев, не способных ни совершить бросок к цели на 16 узлах, ни нырнуть на двести метров. После атаки, уже утром 22 июня, лодка всплыла под перископ, и, выставив антенну (столь же полезное устройство, как шнорхель!), отправила кодированное донесение, принятое и расшифрованное в штабе флота, связь обеспечивал самолет-ретранслятор, дежуривший над районом на большой высоте. Состав японской эскадры (два линкора, два авианосца, большой и поменьше, еще свыше десятка вымпелов), курс и скорость в момент обнаружения, атака в 23.08, шесть торпед с СН, четыре попадания в малый авианосец (в приказе по флоту я назвал авианосцы более приоритетными целями, чем линкоры), японцы ушли курсом норд-ост (одним лишь шумопеленгатором на большом расстоянии трудно определить точно). Воздушная разведка подтвердила – затонул авианосец тип «Читозе» (после было установлено, «Чийода» – 15 000 т, 30 самолетов, примерно равноценен американским «индепенденсам»). Интересно, что самураи даже не пытались организовать охоту за лодкой, а поспешили отойти на максимальном ходу! Неужели наш предвоенный блеф с «Полярным Ужасом» в Петропавловске-Камчатском оказался удачным?

Интенсивные воздушные бои над проливом Лаперуза и Южным Сахалином. Пока, согласно донесениям, у нас перевес, все же Ла-11, Як-9УД и Та-152 это уже самолеты послевоенного поколения, в сравнении даже с Ки-84, и подготовлены наши летуны лучше, и опыт больший имеют, и тактику наработали совершенную. Но японцы упрямы, этого у них не отнимешь – несут потери, но пытаются наносить удары даже не по позициям наших войск, а по аэродромам! Или связать боем нашу авиацию, чтобы не могла вмешаться на морском направлении.

Ну вот, в 16.20 – обнаружены главные силы японского флота. Квадрат... это по карте, координаты 38 с. ш., 137 в. д. – три больших авианосца, два линкора класса «Ямато», до тридцати кораблей других классов. Курс 260, ход 24 узла – к Кореи? Хотя уже темнота недалеко – таким ходом могут наутро оказаться где угодно! Раков чертыхается – на час бы раньше обнаружили! Искренне ему сочувствую – ну нет пока спутниковой разведки, и самолетные радары сильно хуже, чем в 2012 году! Но воевать-то надо?

Экстренный план был заранее разработан. Представляю, что творится на аэродромах, где спешно готовят самолеты к вылету, и в штабах, где тасуют, отодвигая, прежние боевые задачи! Пикировщикам далековато – а вот «дорнье» с управляемыми бомбами как раз достанут! И истребители – для Ла-11 на пределе, но хватит, чтобы прикрыть!

На два полка бомберов – четыре истребителей! И еще один, на «яках», прикроет на отходе, отсечет японцев, если будут преследовать. По «Китаками» в Маоке работали половиной этого, и по донесениям, всего два попадания, в разы хуже, чем на ладожском полигоне, как бы кто-то ни бахвалился – ну, в боевой обстановке всегда так! Но даже если положат в японские палубы хотя бы четыре бомбы, всем скопом – и то хлеб!

А вот с лодками хуже! Обжегшись на молоке – дуешь на воду: все шесть «немок» развернуты гораздо севернее, начиная от пролива Лаперуза и до 44-й параллели! Итого, до возможного места боя им от трехсот до четырехсот миль! Придется «ленинцам» и «щукам» главную роль сыграть – что ж, ваш черед за Отечество гибнуть, и если у вас уровень подготовки недостаточный еще, ничего не поделать, надо! Хотя вроде бы за последние месяцы сумели его и подтянуть – но до североморцев далеко! И не сравнятся «щуки» довоенной постройки, и даже модернизации не прошедшие – с «двадцать первыми»! Но ведь и японцы – не англичане, у них ПЛО послабее?

Разведчик (высотный «хейнкель») исправно сообщает о месте, курсе и скорости японцев. Его уже пытались отогнать – 100-мм пушки на «Тайхо» и новых эсминцах ПВО имеют достаточную досягаемость по высоте, и вполне приличную СУО. Но продержись еще хотя бы час – а уж после ордена всему экипажу, если живы останетесь... да и посмертно тоже, если что. Наши уже взлетели, идут к цели! Сто двадцать два истребителя и пятьдесят четыре «дорнье».

И самолет РЭБ. Идет выше, и впереди – хрен японцы что-то на радарх увидят! Чтоб подготовиться не успели, увидели нас лишь за минуты до собственно атаки! Не могут же они держать в воздухе полк истребителей, ну а дежурное звено или даже эскадрилью наше прикрытие сметет, – и пока остальные взлетят, наберут высоту, бомбардировщики уже будут на боевом курсе. А после – как карта ляжет и насколько управляемые бомбы окажутся эффективны. Это все же не мишени бомбить, и даже не одиночный неподвижный корабль в порту, как «Китаками» в Маоке!

Смотрю на часы. Раков рядом, нервничает не меньше, – наверное, ему легче было бы самому там, в кабине. Ну вот, радио, одно слово, «варяг» – значит, начали атаку! Понятно, всех не выбьют, не перетопят, но хотя бы одного-двух? Три больших авианосца – даже если самураи нагрузили сверх меры, взяли по девяносто самолетов на каждый, и истребителей не треть, как обычно, а половина, то с нашим прикрытием силы практически равные! А вот зенитный огонь опасен – КАБы можно и с десяти километров высоты бросать, но лучше с пяти-шести, больше вероятность попадания. И бомбить поэскадрильно – чтобы операторы наведения свои бомбы различали, там трассеры разных цветов, у каждого в девятке свой. Девятка работает по одной цели, итого обработают всех, даже с резервом, если там три авианосца, два линкора. И отвернут японцы зализывать раны... нет, судя по командиру «Миоко», они упертые, даже в битости пойдут до конца. А второй вылет до темноты мы организовать уже не успеем!

Есть! Доклад с разведчика: три попадания, шесть близких разрывов (это, как Раков объяснил, когда круг от взрыва на воде касается борта корабля). Причем два попадания – в одну цель, авианосец! Одно – в линкор. Очень сильный зенитный огонь. Интенсивный воздушный бой, у нас потери, у японцев тоже. Наши отходят, японцы пытаются преследовать. Что ж, скоро узнаем подробнее – фотоконтроль был на всех.

Авианосец потерял ход, горит. У нас сбито (считая не дотянувшие до берега) семь бомбардировщиков и девять истребителей. Причем четырех «дорные» самураи свалили тараном. Японцы потеряли (согласно докладам пилотов) не меньше полусотни истребителей (цифра еще уточняется). Что ж, считай, мы их истребительные эскадрильи убавили на треть! Спасатели, уже дежурившие над морем на полпути, успели до темноты найти, сесть и подобрать один экипаж До-217 и четырех пилотов истребителей. И где-то в море должны быть как минимум еще один экипаж с бомбера и два «Лавочкина» – не вернулись домой, но падения их в районе цели никто не видел.

Но японцы не свернули с курса. Идут по-прежнему на запад!

И темнота. Пока не поздно, надо повернуть конвой, идущий на Вонсана, со вторым эшелоном десанта, – а то как раз под раздачу попадет! И обратный, порожний – или он успеет до нашего побережья дойти, у Посьета, туда японцы не сунутся, там и береговые батареи, и Владивосток уже не слишком далеко.

И по расчету, с рассветом выйти из зоны действия нашей авиации, самураи никак не успеют! При том, что мы их ночью не потеряем – разведчики с локаторами будут постоянно висеть, друг друга меняя. Так что сражение лишь начинается! При том, что у берега развернута завеса «щук», хотя на них надежды и мало, но вдруг повезет?

Японское море, 22 июня 1945 года

Подводные лодки шли на юг. У Курильских островов уже шло сражение, наши схлестнулись с японской эскадрой и кого-то уже потопили. А тут шесть новейших лодок, тип Н, они же «тип XXI», пока еще немецкой постройки, – но Видяев, стоящий сейчас на мостике Н-4, отлично помнил, какие красавицы уже спущены на Севмаше, 613-й проект, вобравший в себя все достоинства «немок» без их недостатков, – спешили к берегам Кореи. Снявшись с прежней позиции, завесой на широте пролива Лаперуза – за неделю не встретили ни одного японца! И вот самураи снова сунулись в наше море – успеем ли мы их перехватить? Лодки шли на юг, не вместе, но воедино – расстояние между соседними составляло двадцать-тридцать миль.

Капитан 2-го ранга Федор Видяев (волею случая оказавшийся одним из посвященных в Тайну, еще тогда, в 1942-м) знал, что в иной истории он должен был погибнуть еще два года назад – и потому верил, что теперь ему суждено жить долго, раз он сумел обмануть смерть, подергать ее за усы. Еще был рад, что здесь ему довелось увидеть нашу Победу, и что ему всего тридцать три года, и обещано командирство первой построенной здесь атомариной, лет через пять – ведь сам Лазарев сказал, что «вы, Федор Алексеевич, из уроженцев этого времени, самый сведущий человек в тактике атомных подлодок» – признал это после того, как он, Видяев, дважды выходил на «Воронеже» в боевые походы и еще раз пять на полигон.

«Так что, считайте себя пока в командирской стажировке. Набирайтесь опыта – а после мы вас призовем».

Опыт, это да, нужен. Единственное, что вызывало у Видяева легкое недовольство, после знакомства с биографией себя там – что в иной истории Щ-422 под его командованием успела одержать одиннадцать побед до того, последнего похода в июле сорок третьего. Здесь же лодка со всем экипажем

после той памятной встречи в Карском море и совместной охоты на «Шеер»[2 - Смотри «Морской Волк».] была полностью отстранена от боевой деятельности – секретность, блин! Правда, дальнейшая жизнь экипажа тоже была очень интересной, когда «щуку» поставили к стенке Севмаша и дооборудовали всякими техническими новшествами, подсмотренными у потомков. И теоретическая подготовка была под стать инженерной, а тренировки с компьютерным моделированием реального боя это вообще чудо! – но вот в зоне боевых действий после пришлось побывать лишь единожды, когда перегоняли из Нарвика захваченную там U-1506, она же сейчас H-1[3 - Смотри «Северный гамбит».], и всё! А собственно боевого опыта и числа побед не доставало! За Лазаревым, конечно, не угнаться, – но хотя бы десяток, а то сам себя уважать перестаешь! Особенно когда под твоим началом, как комдива, ходят «зубры» балтийского подплава, воевавшие, когда ты у заводской стенки стоял.

Видяев знал, как шла война на Дальнем Востоке в той истории. И воспринимал как личное оскорбление тот факт, что на море японских агрессоров разбили не мы, так и не отомстив самураям за Цусиму, адмирала Макарова и крейсер «Варяг». Зато теперь – какие корабли и люди против нас: «Ямато» и «Тайхо», Одзава и Нагумо, цвет и легенда японского флота, который в сорок первом – сорок втором прокатился тайфуном по половине Тихого океана! На нас целей хватит – а то «Мусаси» потопили у Филиппин, «Дзуйкаку», побитый у Сайпана, был потоплен американской подлодкой в марте, когда после ремонта в Метрополии спешил на юг, «Синано», хотя и не в первом выходе, тоже попал под торпеды, и был добит авиацией, что там у японцев в Сингапуре осталось? Если главные силы их Флота – здесь! Мы их и потопим!

Ну а последующий жизненный путь у Видяева никаких сомнений не вызывал – служить Отечеству, как подобает военному моряку. Защищать интересы СССР на морском фронте от любого врага, на которого партия и товарищ Сталин укажут. А уж Родина тебе по справедливости воздаст, и заслуги отметит, и семье не даст пропасть, если что. Мы же не наемники, как у капиталистов. Хотя и там идейные попадают – как герр Байрфилд, с которым вместе с Балтики шли, от города Бремен, где на верфи «Дешимаг» балтийские экипажи принимали новенькие «двадцать первые», ну а «семерки»-минзаги после подтянулись. Так этот фриц прямо сказал:

– Я присягал не фюреру, а Германии. И буду ей служить, как бы она ни называлась, хоть Фольксреспублик. Всегда мечтал помереть адмиралом. И к тому же мой дом и моя семья здесь.

А мы что, хуже немчуры? В Совгавани слышал – тут, на ТОФ, какой-то летеха свою лодку сам подорвал, в бой идти не желая, тьфу, погань, к стенке за такое, и правильно! За нашими спинами отсиживались, пока мы воевали, а сами элементарного не умеют! Когда Котельников в мае, уже после отлета Лазарева с Камчатки, формируя бригаду, инспектировал, что за наследство ему досталось (это про дивизион «щукарей»), то просто за голову схватился, уровень по меркам СФ ну ни в какие ворота! После учений в море просто сказал:

– Вы, главное, у нас под ногами не путайтесь, чтоб ненароком не потопили! А с японцами мы как-нибудь справимся и сами.

Хотя – что требовать с такого старья? «Щуки» самых первых серий, даже не Х-бис, как моя Щ-422, а V и V-бис, почти десятилетием раньше! И изношены уже, гоняли их тут нещадно еще до войны, а с ремонтом и техобслуживанием было куда хуже, чем на Балтике, и экипажи далеко не гвардейцы, ни выучкой, ни боевым духом. «Ленинцы» хоть чуть новее и модернизацию прошли, – а до «щук» и руки не доходили, и ресурсов не хватало. Ничего – там с самураями справились, сумеем и здесь!

– Пеленг 250, подводная лодка под моторами! – доклад акустика. – Дистанция двадцать, по оценке слышимости.

В это время, в двух милях к вест-зюйд-весту, командир лодки Щ-108 прилип к перископу, кляня «японца», так некстати сменившего курс. Впервые выходя в реальную атаку, он страстно хотел победы. Во славу Родины и Сталина, – а то особисты уже душу вынули из всего экипажа, выясняя, кто был дружен с изменником, диверсантом и японским шпионом со злополучной Щ-139 или с кем-то из той команды, кто и как часто бывал там на борту, слышал об антисоветских разговорах, и если да, то отчего не доложил? И смотрели уже, как на врагов народа – так, что даже не знаешь, выйдешь ты с того допроса или уже в тюрьму? А какой к черту заговор – ясно ведь, что если рвануло бы, мало не показалось бы всем! В море же тем более какая диверсия – со смертью в обнимку ходим, если тонуть, так всем! И за что новый комфлота так взъелся на огороды – жрать-то надо, а пайка не хватало, особенно до Победы. Также картошка обменным фондом была – иначе на морзаводе хрен что тебе сделают, качественно и быстро! Ну а выпить иногда, так что делать, коль соцкультбыта нет, люди просто звереют? Нет, в море легче – особенно если с победой вернуться, или с двумя, с тремя! К конвою прорываться, понятно, дело очень трудное и опасное – на старой «щуке», вошедшей в строй двенадцать лет назад!

Полный ход над водой едва достигал одиннадцати узлов, вместо паспортных четырнадцати, дальше начинались опасные вибрации валов дизелей. Из-за перегрева аккумуляторов электромоторы также не развивали полной мощности и могли держать предельные обороты лишь полчаса. Предельную глубину погружения пришлось ограничить в 50 м, вместо проектных 90, причем на сорока часто заклинивало носовые горизонтальные рули, а при подходе к пятидесяти и кормовые; перископ вжимало давлением в дно шахты. Неудачной была система воздуха высокого давления, самопроизвольно стравливавшая воздух из целых секций баллонов. Очень высокой была шумность и вибрация механизмов. И при полном заряде батареи дальность полным подводным ходом составляла всего 9 миль при скорости 8,5 узла – причем в два этапа: полчаса, затем время остыть аккумуляторам, и снова полчаса[4 - Описание соответствует «Щуке» V серии, к которой и принадлежала Щ-108, постр.1933 год.]. Отчасти все это было следствием изношенности, отчасти неудачей проекта: тогда казалось, что главное это построить флот, в большом числе и быстрее! Те же «щуки» поздних серий были гораздо совершеннее, конструктора ведь тоже учились. Но и «старушки» должны были оставаться в строю, в ожидании японской агрессии. И вот этот час настал!

На борту Щ-108 было получено оповещение по флоту. Но командир, увидев указание квадратов моря, просмотрел бегло и отложил в сторону: район лежал в стороне, а значит, происходящее там не имело для его корабля никакого значения. Он не знал, что из-за навигационной ошибки Щ-108 сильно отклонилась к северо-востоку. И никогда не видел «двадцать первых» лодок (мелочь, упущенная штабом флота – альбом с силуэтами кораблей на старые лодки не попал). Зато знал твердо – то, что он видит, советскому флоту принадлежать не может!

Отвернул япошка? Ну ничего, может, мы его еще достанем! Не попадем, так напугаем... а может, и попадем? Что мы теряем – и что он нам может сделать после, мы же под водой?

– Лево руля! – приказал Видяев. Ход и так полный. Чудо, что на посту ГАС что-то расслышали – хотя мы не эсминец, у нас винты так не шумят. А аппаратура у фрицев отличная, надо им должное отдать. И кто же это там под водой затаился? По флоту оповещение, что мы идем, да и силуэт у «двадцать первых немков» характерный, без пушек на палубе, но с очень крупной рубкой, ни с чем не спутаешь! Летуны наши уже дважды нас облетали, приветливо крыльями

качая. А наших лодок, по диспозиции, тут быть не должно! Радио в штаб – обнаружена подводная лодка, координаты! И запрос – могут ли наши быть тут?

– Торпеды! Пеленг 252!

Срочное погружение! Если акустик с дистанцией не ошибся, то две мили это полторы минуты, даже для японских «длинных копий»! Балласт в носовые, кормовые, дизеля – стоп, воздухопроводы перекрыть, запуск моторам. Матросы верхней вахты быстро в люк проваливаются, командир сходит вниз последним, лично убедившись, что наверху никого. Балласт в среднюю – приказ еще до того, как окончательно задраен верхний рубочный люк. Все действия экипажа доведены до автоматизма, на многочисленных тренировках, с секундомером – на учениях мы полностью уходили под воду за двадцать секунд! Теперь моторам полный, рули на погружение. Нет у японцев самонаводящихся – не достанут они нас под поверхность!

Н-4 была уже на глубине тридцать, когда торпеды прошумели выше и чуть в стороне. Теперь наш черед! Показать, что Лазарев не ошибся, в завершение «командирских курсов» всем объявив:

– Сейчас вы – лучшие подводники мира. Наиболее подготовленные и на самых лучших лодках. Знаете и умеете то, что пока еще никому не известно. Так не подведите же доверие партии и советского народа!

И каждому – неуставные значки, «в память», белый силуэт акулы. Который после перекочевал на рубки «немок». Подражать фашистам, каждой лодке придумывавшей собственную эмблему, не хотелось – ну а коллективно, отчего бы нет? Тем более что завершающей частью курса были подводные дуэли. Акулы мы сталинские – любого сожрем, даже под водой! Так что этим конкретным япошкам сильно не повезло – и к лучшему, а если бы наш, необученный, попался? Знаю, что К-2 уже счет открыла (не «немка», старого типа, но тоже с акулой на рубке). Теперь и мы докажем, что нас учили не зря!

Акустик докладывает – пеленг 254, цель слышу хорошо. У нас только два аппарата могут стрелять управляемыми, не все шесть носовых, как на К-ПЛЮ, но на этого противника хватит (будь против нас «немка» тип XXI, тогда бы надо бить по максимуму, «невод» закидывать, чтоб не увернулась). И экипаж у нас, в большинстве, из служивших на Щ-422, есть и те, кто в Белом море по

притопленному понтону стрелял, и кто Н-1 из Нарвика перегонял, кому товарищи потомки еще до курсов, летом сорок третьего, всякие штучки показывали, и особенности «двадцать первых» знаем лучше всех в советском ВМФ! Локатор в активный, определить элементы движения цели. Ввести в БИУС, перенести данные – на самых первых «катюшах» кассеты с магнитной проволокой, на которой программа записана, вручную из «Буси» вынимали, на торпед горловину вскрывали, вставляли, досылали торпеду в аппарат, а у нас уже улучшено, можно прямо в заряженную торпеду команды вводить, как после пуска повернуть, на какой глубине, какие маневры совершать, и на каком удалении неконтактный взрыватель разблокировать – все это для противокорабельных торпед с СН на кильватер прежде всего актуально, но и для противолодочных тоже, какие-то элементы движения задаются, тот же угол доворота, а оператор лишь поправки вводит, сличая отметки на экране гидролокатора. Разъемы для ввода программы на всех аппаратах, а вот командное устройство для управления по проводам лишь на двух верхних, обычно так и заряжают, четыре противокорабельных, две противолодочных. Ну теперь получите, самураи!

У Щ-108 был еще один, последний шанс. На учениях лодка, поймавшая прицельный сигнал чужого гидролокатора, посылала своим локатором условленный ответ, «я свой». И времени должно было хватить, даже после выпуска торпед, на участке управления по проводам, чтобы операторы дали команду на подрыв или уход в сторону от цели. Все эти действия была отработаны до автоматизма экипажами «немок» и «катюш»; «ленинцы» и «щуки» Камчатской бригады были также, стараниями Котельникова, с этим ознакомлены, – но ведь и Владивостокская бригада подплава обязана была знать порядок, утвержденный штабом ТОФ! А если не было локатора (советские «Тамиры» и английские «Драконы» шли в первую очередь на новые лодки, их имели и «щуки» Х серии, но более старые так и обходились без), то была система звукоподводной связи «Вега», для которой также был предусмотрен условный сигнал. Отчего Щ-108 молчала (хотя как показало расследование, эта система, также далеко не новая и несовершенной конструкции, на старых лодках нередко была неисправной, даже в боевых походах, – однако такой записи в журнале главного инженер-механика дивизиона, конкретно для Щ-108 не нашли), теперь не узнает никто. И почему даже не попыталась уклониться, совершить противоторпедный маневр (а ведь, согласно приказу, командир обязан был прослушать секретный курс по основам применения управляемого противолодочного оружия – и присутствовал там, о чем также есть отметка в документах), тоже неясно – другое дело, что вряд ли такой маневр удался бы на

«щуке», вот «немка» бы на такой дистанции вполне могла, – но попробовать все равно стоило бы? Однако Щ-108 сохраняла прежний курс, на глубине 30, при скорости два с половиной узла – идеальная мишень!

– Попадание! – доложил акустик Н-4. – Еще одно! Звук разрушения корпуса. Готов самурай!

Видяев приказал тщательно прослушать горизонт – не прячется ли рядом еще один? Затем, по всплытии, доложить – атакован подводной лодкой, успешно уклонился, противник уничтожен, продолжаю следовать предписанным курсом. И подумал, что японцев все же недооценивать нельзя – наверное, перехватили приказ нам и выслали свои лодки в засаду. Что ж, будем бдительны – и верно нас предупредили о низком уровне японской техники, шумят, как телеги по плохой дороге! Сунутся – еще огребут. А мы предупредили – пусть в этот район наши силы ПЛО выходят и устраивают японцам веселую жизнь!

Поиск был проведен. При этом летчики чуть не утопили Щ-113, также оказавшуюся вне обозначенной позиции. В свете последующих событий факт пропажи без вести лодки Щ-108 поначалу не привлек внимания штаба. Лишь после сражения стали разбираться – и кому-то пришло в голову сопоставить это с атакой Видяева. Расследование ни к чему не привело – поскольку факт нахождения Щ-108 там, где она никак быть не должна, и ее атака по Н-4 (в свете оповещения по флоту и формального ознакомления командира «сто восьмой» со всей информацией, о чем имелись записи в секретных журналах) никак не могли быть объяснены. Зато казалось весьма вероятным, что японская лодка, потопившая Щ-108, сама после попала под торпеды Видяеву. Какая версия была предпочтительнее для штаба флота?

Данные разведки, и даже уточнение информации после войны, не прояснили вопрос. В эти дни Императорский Флот потерял в Японском море лодки I-48 и I-153 – в то время как в штаб ТОФ поступили доклады о потоплении одной субмарины дивизионом «охотников» у корейского берега (достоверное – всплыли соляр и обломки), и еще трех атаках подводных целей, с неясными результатами (предположительно – повреждены). Так что одна из потопленных японок до того вполне могла оказаться рядом с Щ-108. Тем дело и завершилось, сданное в архив. Обломки лежат на недостижимой глубине в три километра, в точке с координатами 44 с. ш., 138 в. д. Тридцать семь человек экипажа приказом комфлота были внесены в список погибших за Родину, а не пропавших без вести

(семьи положенную пенсию получают). И на памятнике во Владивостоке есть имя Щ-108, в числе других кораблей Тихоокеанского флота, погибших в эту войну.

Вы хотите правды? А кому и зачем нужна правда в данном конкретном случае? И к каким последствиям она приведет? Контр-адмирал Видяев, герой Советского Союза, в этой истории умерший во славе и почете в 1989 году, так и не узнал, кого потопил тогда, в Японском море. Что изменилось бы – если бы узнал?

Авианосец «Тайхо».

Японское море, 22 июня 1945 года

Сейчас русские гайдзины увидят, как умеют умирать самураи! Потому что ничего иного нам не остается.

Сначала казалось, боги на стороне Японии. До темноты осталось не так уж много, – но мелькнул в высоте силуэт, подобно небесному дракону. Русский разведчик облетал флот – не было сомнений, что сейчас радист сообщает о составе эскадры, ее курсе и скорости. Значит, атака уже не будет внезапной.

Ударили зенитки «Тайхо» и эсминцев «Ханацуки» и «Харуцуки» – лишь эти 100-мм пушки теоретически могли забросить снаряд на четырнадцать километров в высоту. Русский шел на двенадцати, – но все равно вероятность попасть была минимальной. После нескольких залпов адмирал лично приказал прекратить огонь, не было смысла тратить боеприпасы. К тому же великолепная баллистика этих новых пушек покупалась ценой резкого снижения живучести ствола, практически равной числу снарядов в погребе[5 - Ресурс ствола зенитки 100/65 обр. 94 всего 350 выстрелов, при боезапасе ЭМ тип Акицуки, 300 снарядов на орудие.]. И оставалось лишь скрипеть зубами, провожая безнаказанного русского шпиона, нарезавшего вокруг эскадры огромные круги на недостижимой высоте.

Затем как-то сразу сдохли РЛС. Вообще, в Императорском Флоте радиолокация была очень слабым и ненадежным звеном, поскольку считалась чем-то вспомогательным и менее приоритетным, в сравнении с собственно оружием. Потому отказы аппаратуры никого не удивляли, – но на всех кораблях одновременно, это наводило на подозрение! Командир авианосца попросил

дозволение выслать дозор, для раннего предупреждения – с «Унрю» взлетели три скоростных разведчика и разошлись веером по сектору северо-запад. На палубах стояло по дежурному звену, готовому к немедленному взлету. Казалось, что непосредственной опасности нет.

Связь с разведчиками пропала меньше чем через четверть часа. На всех радиоволнах стоял какой-то треск и вой. После адмирал Тоеда будет сожалеть, что немедленно не приказал поднять все истребители, был уже прецедент, когда при штурме Шумшу русские так же глушили эфир перед ударом! Но не встречался еще Императорский Флот с массовой радиовойной – да и при указанном отношении к радио сам термин «радиовойна» был для японцев невозможным. А Йокосука D4Y1-C «Комета» был хорошим самолетом (разведывательная версия палубного пикировщика), но не имел шансов против пары или четверки Ла-11 из группы расчистки воздуха, наведенной на цель по радару.

Потому японцы пребывали в блаженном неведении, до той минуты, когда в бинокли было замечено большое число самолетов, подходивших с запада. На эскадре была объявлена боевая тревога, корабли увеличили ход до максимального, с палуб авианосцев взлетали дежурные истребители, в то время как остальные «зеро» спешно готовились к старту, раздались первые выстрелы дальнобойных зениток. Большие двухмоторные самолеты показались адмиралу похожими на Ту-2 или «дорнье» – вторые вообще не были пикировщиками, да и первые применялись в этом качестве достаточно редко. И они подходили на высоте выше пяти тысяч – слишком много для прицельной работы с горизонта по кораблям! Или русские решили устроить «бомбежку нервов», как американские В-17, эффектно, но совершенно неэффективно? Хотя у Советов здесь нет авианосцев, а расстояние достаточно велико для их основного пикирующего бомбардировщика Пе-2. Но все же странно – такое же количество торпедоносцев было бы гораздо опаснее. Или это пока лишь первый, прощупывающий удар?

«Зеро» еще не успели набрать высоту – когда русские, заходя в атаку двумя колоннами эскадрилий, начали бомбить. И лишь когда адмирал увидел в небе фейерверк разноцветных трассеров, то понял, что происходит. Проклятые германские гайдзины – как проститутки, служат тому, кто их победит! Любопытно, там русские или немцы за штурвалами и у бомбовых прицелов? «Дюк оф Йорк» два года назад потопили двумя попаданиями, всего со звена самолетов. Тут же их не меньше полусотни – сколько сейчас прилетит нам?

«Тайхо» вздрогнул от близкого разрыва. На траверзе, метрах в двадцати, но ударило сильно, авианосец в тридцать семь тысяч тонн качнулся, как лодка на волне. И сразу завывли сирены аварийной тревоги – корабли, поднявшие флаг в военное время, отличались гораздо худшим качеством постройки. Год назад в битве у Сайпана «Тайхо» едва не погиб от взрыва бензиновых паров, заполнивших отсеки после повреждения цистерн от сотрясения при попадании всего одной торпеды[6 - В нашей реальности это и случилось.], то же самое грозило и сейчас, механик доложил о многочисленной течи из лопнувших трубопроводов и разошедшихся швов на цистернах. Но все же флагман эскадры сохранил боеспособность (хотя полного хода лучше не давать, даже когда повреждения будут заделаны) – зато «Унрю», получивший две бомбы, горел как факел, потерял ход и сильно садился носом. Еще одна бомба легла вплотную к борту «Кацураги», совсем нового корабля, для которого это был вообще один из первых выходов в море! Даже русские посчитали это не попаданием, а «близким разрывом», но результат был немногим меньше. Разорвало не только обшивку, но и противоторпедную броневую переборку, полопались сварные швы цистерн, трубопроводы и кабели (с пожаром от коротких замыканий), сместило механизмы на фундаментах, часть самолетов в ангаре получили повреждения – и все усугублялось слабой подготовкой свежесформированного экипажа. Авианосец не погиб, но потерял где-то треть боевой мощи: нельзя развить ход свыше 20 узлов, при новом попадании цементная пломба на пробоину вылетит к демонам, для ликвидации крена пришлось затопить отсеки противоположного борта, снизив запас плавучести, а работу части оборудования так и не сумели возобновить, хотя пожар и был потушен. Одно попадание получил линкор «Нагато», отделавшись развороченной надстройкой и разбитым казематом 140-мм противоминных орудий левого борта. И наконец, крейсер «Тоне» доложил о легких повреждениях корпуса при сохранении боеспособности.

Истребители предотвратить удар не успели. На первые дежурные звенья, набирающие высоту, обрушились сверху русские «Ла», сбив почти всех. Но затем в небе закрутилась карусель – и отличная маневренность «Зеро-райсенов» явно стала для русских сюрпризом! Однако советских истребителей было больше, и они лучше работали в команде – всего четверем японцам удалось прорваться к последней эскадрилье бомбардировщиков, которая уже легла на боевой курс. А русские висели на хвосте, не было шансов на вторую атаку – и четыре истинных самурая до конца выполнили свой долг, идя на таран, лоб в лоб, никто не мог выжить! Еще нескольких «дорнье» достали зенитчики. Русские уходили на запад, причем некоторые – со снижением и дымом. Но не было возможности догнать их и добить – советских истребителей все еще было больше, и они, даже выходя из боя, звено за звеном, эскадрилья за эскадрильей, жестоко огрызались

на любую попытку их преследовать, прикрывали друг друга. Гайдзины лишь толпой сильны – в отличие от самураев, каждый из которых и в одиночку совершенный боец!

На авианосцы не вернулись восемнадцать «райсенов», не считая тех четверых, кто таранил. И было всего двое спасенных – Хорикоши-сан построил идеальный истребитель, вот только крыло обратной стреловидности оказалось чрезвычайно чутким к повреждениям, рассыпаясь от одного 20-мм снаряда, причем пилот не мог выпрыгнуть из кувыркающегося обрубка самолета. Еще четыре истребителя погибли вместе с «Унрю», который пришлось добить торпедами с эсминцев, сняв команду. Что ж, считая, что русские потеряли почти столько же самолетов, но часть из них была бомбардировщиками, более ценными и с экипажем из пяти человек, то воздушный бой, пожалуй, можно считать японской победой, по крайней мере, по очкам? Но плохо, что число истребителей на эскадре уменьшилось на треть. Что ж, план предусматривал и это – завтра утром мы примем самолеты, перелетевшие с берега, а если понадобится, то и еще раз, у нас будут «бессмертные» авиагруппы, только бы палубы сохранить! Вот гибель «Унрю» это действительно потеря! Что ж, значит, мы должны за него отомстить.

Как уже отомстили трем русским гайдзинам, выловленным в море. Адмирал смотрел с мостика, как внизу на палубе офицеры авианосца опробовали на пленных остроту мечей. И это было правильным, поскольку тот, кто бьет издали, не вступая в честный бой – не заслуживает к себе никакого уважения. Самурай никогда не стал бы издеваться над пленным самураем, это противоречило бы бусидо. Но пойманных убийц-ниндзя, не имеющих кодекса чести, всегда казнили самым изощренным и жестоким способом – так что этим русским летчикам еще повезло, что им даровали быструю смерть!

Спустилась темнота. Эскадра шла к берегам Кореи. Адмирал подумал, что даже если мы не вернемся, это будет славная битва, о которой в Японии запомнят на века! А что еще желать самураю?

Отдыха не было. Через пару часов высоко в небе над эскадрой вспыхнули «люстры» световых бомб. И снова завывали сигналы боевой тревоги – с севера на корабли неслись быстрые, едва различимые тени над самой водой, русские торпедоносцы! Эсминцы охраны успели встретить их огнем – но взорвался «Амацукадзе», и «Юкикадзе» тоже тонул, разломившись от попадания тонной авиабомбы – впереди шли топмачтовики, расчищая дорогу торпедоносцам. И не меньше эскадрильи Ту-2 ворвались в брешь, которую не успели закрыть – и

повезло, что их мишенью стали не авианосцы, а линкоры, сохранившие огневую мощь. Две торпеды ударили в борт «Ямато», но ПТЗ выдержала. Хуже пришлось «Нагато», торпеда попала в корму, намертво заклинив один из рулей, и правый внешний вал стал «бить», разнося подшипник, пришлось предельно уменьшить на нем обороты, и держать уцелевший руль положенным влево, чтобы оставаться на курсе – линкор не мог развить ход больше 19 узлов. А русские ушли без потерь, по крайней мере ни одного упавшего в море не видели – хотя, наверное, от зенитного огня им досталось.

Еще через час одиночный Ту-2 атаковал и потопил эсминец «Юшио». «Люстр» в этот раз не было, зато светила луна. В эфире по-прежнему был свист, треск и вой, радары не показывали ничего. А русские хорошо видели эскадру, даже во тьме! Или это все тот же проклятый разведчик, крутящийся на высоте? Хорошо, что в традициях японского флота матросам спать не в кубриках, а прямо на боевых постах, подвесив койки, где придется. Воины страны Ямато не были столь изнежены, как гайдзины, – на японских кораблях каждая тонна водоизмещения, каждый кубометр объема были отданы прежде всего оружию и тому, что его обеспечивало, а комфорт экипажа был на последнем месте! Зато корабли несли заметно более мощное вооружение, чем американские, немецкие, русские, того же размера. Так, ни в одном флоте эсминцы не имели двойного запаса торпед (и устройства быстрой перезарядки, по весу почти равные самим аппаратам), а равную огневую мощь (шесть пятидюймовых орудий в трех спаренных башнях) американцы достигли лишь на новейших «Самнерах» и «Гирингах» – гораздо более крупных, переваливших за три тысячи тонн. А секрет был прост: всего лишь до предела уменьшить помещения для команды! Кубрики вмещали лишь отдыхающую смену верхней вахты (трудно ведь повесить койку на палубе), не было камбуза (в море пусть едят сухпай – хотя иные командиры умудрялись ставить на палубу обычную полевую кухню), да и расстояние между палубами было меньше двух метров (этого хватит!). Зато экипаж практически всегда был готов к бою – ну а тяготы и лишения это неизбежное зло. И разве это не лучше – в походе есть сухари, зато иметь лишнюю пару зенитных стволов, дополнительный шанс на жизнь?

Проклятый русский разведчик в высоте – кого он наведет снова? Если бы удалось его достать – о, тогда бы эти Иваны испытали бы на себе древнюю японскую казнь, когда пойманному шпиону сначала отрубает руки и ноги, в несколько приемов, а затем еще живого бросают в кипящее масло! Но локаторы не видели ничего среди множества засветок, а стрелять куда-то в темноту означало лишь бесполезно тратить боезапас. И оставалось лишь вспомнить слова: врагов не надо считать, их меньше не станет – а значит, действуем по

прежнему плану.

Линкор «Ямато», крейсера «Тоне», «Хагуро», «Асигара» в сопровождении шести эсминцев отделились от эскадры и полным ходом направились на запад – «корейский экспресс», должный еще до рассвета обстрелять Вонсан, порт, плацдарм и дороги. Авиаудар будет нанесен на рассвете – одновременно с ним на авианосцы сядет пополнение из Метрополии. Рассчитанное на три палубы, а не на две, – но адмирал подумал, что это и к лучшему, ведь наверняка в первой ударной волне будут большие потери, вернутся далеко не все – как раз и выйдет их возмещение! Мы будем воевать «бессмертными» авиагруппами, постоянно держа в воздухе над авианосцами воздушный патруль, и не жалея ни самолетов, ни пилотов, ни бензина! Больше половины всей палубной авиации Империи ждут сейчас на аэродромах приказа, вылететь к нам на подмену сбитых. И свыше тысячи самолетов армейской авиации готовы нас поддержать.

А после – уже можно говорить и о мире. Подкрепленном силой – потому что со слабым не заключают никаких договоров, а просто диктуют условия капитуляции. За нами судьба Японии на все последующие годы – а потому мы не можем проиграть. А кто не переживет этот день – о тех позаботится Аматерасу.

Линкор «Исе». 22 июня 1945 года.

Восточнее Курильских островов

Завелся у берегов страны Ямато страшный морской дракон – опустошал деревни на берегу, топил рыбаков. Повелел император убить чудовище, и вышли в море десять тысяч отважных самураев на ста кораблях. И дракон был убит – но никто не вернулся назад.

Адмирал Одзава ощущал себя сейчас одним из героев того древнего мифа. Единственным из всех на эскадре, кто знал, на что они идут, – но приказ императора священен! Пусть русский подводный демон уже сожрал два флота немецких гайдзинов – воинам Японии не дозволено было бояться битвы! Дракон умрет – или мы не вернемся домой.

И была еще одна беседа перед самым выходом в море. О которой, кроме него, Одзавы, знал лишь один человек.

– Мы проиграли эту войну, – сказал адмирал Енаи, – вопрос лишь, погибнет ли Япония, или как в дзюдо, упадет мягко и завтра поднимется. И наша цель сейчас – обеспечить эту мягкость нашего падения, спасти все, что можно спасти. Наши потери в филиппинских водах оказались просто ужасающими – еще одна кампания у берегов Метрополии, и у нас просто не останется флота. И прервется традиция, и некому будет восстанавливать японскую морскую мощь, когда придет время. Скажу по секрету, даже приняв ультиматум держав, будет заявлено, что Япония не примет полного разоружения, как противоречащего самому духу японской нации – пусть соглашаются с нашими условиями, или мы будем драться до конца! Лично я не верю в прочность и долговременность союза русских и американцев. Значит, мы можем играть на противоречиях – и помоги нам боги не ошибиться, как Гитлер! Спасти, сохранить Японию, пусть пока как подобие Сиама, буфером между русским и американским блоком. Ну а дальше – Германия после той войны показала, что делать. Мы проиграли лишь битву – но не окончательно, войну. Так что не спешите делать сеппуку – ведь кто-то должен будет жить, чтобы дальше исполнять свой долг, так говорят русские – и это, на мой взгляд, справедливо!

А оттого не надо бросаться дракону в пасть. Достаточно лишь, чтобы демон не покинул эти воды, не успел к сражению у берегов Кореи. Если бы это сказал не адмирал Мицумаса Енаи, в чьей храбрости, уме и преданности Японии нельзя было усомниться – Одзава бросил бы собеседнику страшное обвинение, оплатить свою жизнь и победу нашей смертью. Сейчас же он почтительно склонил голову в согласии. Енаи был прав – главная битва сейчас развернется там, ну а здесь будет лишь отвлекающий удар, и помоги нам боги, чтобы русские этого не поняли!

На острове Уруп погибал гарнизон. Одзава не мог понять, как русские умудряются побеждать за считанные дни – там, где американская морская пехота, на таких же островах, даже хуже укрепленных, возилась и недели, и месяц! При том, что поддержка авиацией и корабельной артиллерией у янки была явно больше, американцы также широко использовали в десанте тяжелую технику, и, если честно признать, их маринеры уже не уступали японцам в выучке и боевом духе. Но неизменным было правило, что численность американского десанта превышала японский гарнизон – русские же брали верх, даже находясь в меньшинстве! Конечно, пропаганда кричала о пятикратном, даже десятикратном преимуществе северных варваров, но Одзава был достаточно сведущ в десантных операциях, чтобы понять: десант такой численности просто не мог быть высажен с точно установленного у русских

числа кораблей, а снабжать его было и вовсе, непосильной задачей – и в то же время разведка сумела достаточно точно оценить как морские, так и сухопутные силы противника, задействованные в захвате Курильских островов. Было установлено, что русские привлекли к операции всего одну бригаду морской пехоты в качестве ударной силы, и одну стрелковую бригаду для закрепления на захваченных позициях – то есть их десантные войска были втрое-вчетверо меньше, чем японские части, сидящие к тому же в долговременной обороне! Но результат был, как в Китае, где одна японская дивизия в полевом сражении одолевала китайский корпус – лишь в роли китайцев была Императорская Армия!

И эта непобедимая орда, возможно, завтра высадится на землю Японии – и прокатится по ней волной цунами, оставляя позади лишь пепелище и трупы. Как в Маоке и Торо – где, как пишут газеты, северные варвары вырезали всех, включая детей. Одзава констатировал этот факт с холодным рассудком – понимая, что таковы законы войны, сами японцы, будучи победителями, поступили бы так же. С тем же беспристрастием он отметил, что остановить русское нашествие может лишь Флот – на суше варвары непобедимы, и земля, на которую они ступили, потеряна для Японии, как зараженная чумой. Северные острова уже не вернуть, помочь их гарнизонам никак нельзя – несмотря на близость к Метрополии, большинство попыток доставить туда подкрепление и боеприпасы проваливались – русская авиация сохраняла превосходство, а ночью обнаружилась новая напасть: торпедные катера в роли быстроходных прибрежных канонерок, они гонялись даже за кавасаки, отплывающими на север от берегов Хоккайдо. Что ж, на войне солдаты и должны погибать – тем более это армия, а не флот! О нет, никакой внутренней грызни перед лицом врага – всего лишь констатация факта, что Флот сейчас гораздо ценнее, и людей для него труднее, дороже и дольше готовить, ну а в пехоту годится любой крестьянин, которых в Японии и так избыток, и родятся еще.

Наверное, русские и ждут, что мы пойдем туда, к островам? И морской демон ходит там, в глубине. А как говорили немцы, это такой страшный противник, что в сравнении с ним все остальное, что у русских есть, проходит по графе «прочие опасности». Но он все-таки материален, а значит, боится нашего оружия! И потому в эскадру, кроме двух линкоров «Исе» и «Хиуга», двух авианосцев (теперь уже единственного, «Дзуньо» – одни демоны знают, был ли «Чийода» потоплен Подводным Ужасом или обычной подлодкой?), легкого крейсера «Исудзу», входили целых тридцать противолодочных кораблей! Правда, это были не «флотские» эсминцы, а корабли еще прошлой войны (тип «Минекадзе») или эскортники (типы «Матсу» и «Тачибана»), и даже миноносцы (тип «Отори»).

Но все эти корабли имели ход до тридцати узлов – что жизненно важно для действий в строю эскадры, ведь немцы утверждали, что от демона можно убежать? И взяли на борт увеличенное число глубинных бомб – если враг никогда не появляется на поверхности, то иного и не надо!

Размышления адмирала прервал сигнал тревоги. Самолетом обнаружена подводная лодка, атакована охранением, главным силам рекомендовано изменить курс. Эскадра не может повернуть так же быстро и легко, как одиночный корабль, – но все же это стандартный маневр, многократно отрабатываемый на учениях мирного времени, поворот «все вдруг» на указанный курс, охранению сформировать завесу впереди и полным ходом покинуть опасный район – пока дивизион эсминцев займется поиском и уничтожением лодки. Все было сделано безупречно – и тут четыре взрыва ударили у борта и под днищем «Хиуги», еще одна торпеда разорвала пополам эсминец «Цубаку». Линкор потерял ход и сел на корму, противолодочники закружились вокруг, ища врага. А «Исе», «Дзуньо», «Исудзу» и двенадцать миноносцев на полной скорости удалялись на север. В соответствии с приказом – нет нужды подвергать опасности всех. Ну а старые миноносцы это расходный материал.

После атаки враг так и не был обнаружен! Неужели худшие опасения подтвердились – русский подводный демон здесь и гонится за нами?

Подводная лодка Н-13

Это же место и время

Акустик на лодке – фигура особая. К общекорабельным работам его не привлекают (ну если только учения, борьба за живучесть, тащить и ставить упоры, или готовиться к тушению пожара, – но это дело святое, знать которое должны все), Пребывая в матросском звании, негласно пользуется всеми правами младшего комсостава, – ну а если опытный и уважаемый акустик, ветеран боевых походов, к тебе и офицеры будут по отчеству обращаться! Поскольку для любого вменяемого командира лодки хороший акустик с боевым опытом стоит куда дороже, чем летеха из училища. Вот только где взять таких, опытных, во вновь формируемые экипажи?

Студентов консерватории на фронт не брали, даже в сорок первом – если только они сами не записывались добровольцами. Ну а московский мальчик из интеллигентной семьи, где папа, мама, и дядя имеют прямое отношение к музыке и театру, искренне считал, что принесет своей стране больше пользы на музыкальной ниве, а не на военной. Гнесинское училище, затем Консерватория – будущее казалось ясным и определенным. Война для него влекла тяготы чисто бытовые, проходя где-то стороной. Главное, в семье все были живы, позади осталась эвакуация в Ташкент, возвращение в Москву, все снова вместе, даже квартиру не уплотнили! Война завершалась, наши уже вышли на Одер, но в то же время в газетах писали, что даже смертельно раненный фашистский зверь еще опасен, так что никакого послабления.

И вдруг повестка из военкомата. Явиться тогда-то, что иметь при себе – и неявка будет считаться за уголовное преступление. Мать разохалась, отец сказал, что это не иначе интриги какого-то Соломона Валерьяновича, из управления, ты не бойся, я и дядя Арам за тебя попросим, уладим... Не получилось, отец пришел бледный, выпил стакан водки, что за ним не водилось, и сказал – крепись, сынок, это судьба!

А по радио звучала песня:

Ой тяжка же ты доля, лить на фронте кровь!

Прощевайте, Поля, – свидимся ли вновь.

Коль удача будет, то вернусь живым.

Ну а нет – то быть мне вечно молодым!

В военкомате вместо гражданской одежды выдали форму – «вроде твой рост», но все равно не в размер. И нет уже студента, есть солдат. Сутки держали взаперти, как арестантов, в город не выпускали. Оказалось, что тут консерваторских еще с десятков – но со старшего курса он один. Кто-то высказал предположение, что «у Совдепии уже пушечное мясо кончилось, нашей кровью будут начальственную дурь оплачивать» – его сразу одернули, смотри, вместо трех лет службы получишь десять без права переписки, сам знаешь где! Но видно, кто-то все же сообщил – поскольку несдержанный на язык наутро куда-то пропал. Затем появился капитан, мундир армейский, знаки различия флотские, морская пехота – и забрал всех «музыкантов». Проездные документы выправили до Ленинграда, а везли, вот удивление, на «Красной стреле» – потому что «эти

гаврики там еще вчера должны быть!». Отвечать на вопрос, куда и зачем везут, капитан отказался, сославшись на секретность – а на просьбу дозволить поесть в вагоне-ресторане, за свои деньги, ответил:

– Да ради бога – после у вас долго такого случая не будет! На фронте наедаться нельзя – при ранении в живот мучиться будешь дольше!

После таких слов аппетит как-то пропал: представить себя умирающим в грязи, с развороченным животом, было страшно. В Ленинграде их всех уже ждала машина, крытый «студебеккер», и повезли прямо по Невскому, на Васильевский остров. Дом красного кирпича за высоким забором, у самой Гавани – учебный отряд подплава. Там всех прибывших построили на плацу, и еще не старый, но уже седой капитан первого ранга произнес короткую речь, завершив словами:

– Запомните, салаги, – у подводника нет могилы. А только гроб, железный и на весь экипаж!

И добавил:

– Хотя вам повезло – война кончается, и не придется через Гогландский рубеж идти, как мне в сорок втором.

Все же в службе было и хорошее: флотская норма снабжения была выше пехотной, а подводники и среди флотских имели привилегии. Доставала лишь строевая, входящая в курс подготовки, непонятно зачем. А вот от огневой подготовки будущие акустики были избавлены, чтобы слух не пострадал – только разборка, сборка и чистка личного оружия. А так, было даже интересно: учебные классы, где надо было прослушать и запомнить множество самых различных шумов – и безошибочно их опознать. Затем сигнал варьировался: менялась громкость, иногда на самом пределе слышимости, менялся тон (а это было хуже всего). Учили очень плотно, свободное время выпадало лишь в выходной. И если поначалу этот день был всего лишь с меньшим числом занятий и работ, то с весны стали уже и отпускать в город. Трамваем до Стрелки – а там хоть через Дворцовый мост в центр, хоть влево, на Петроградку. В город собирались серьезнее, чем на выпускной, потому что комендачи докапывались до малейшего беспорядка в форме – из-за криво пришитой пуговицы можно было вместо прогулки залететь на гауптвахту. Много позже, на заводе, акустику было странно видеть мужика самого непрезентабельного вида, в грязном рабочем

хэбэ – и вдруг услышать, что это главный мех (командир БЧ-5), а то и сам командир лодки. А тогда – был наконец День Победы, салют и толпы нарядных людей на набережной. Теперь, наверное, домой, демобилизуют – если уже кончилась война?

Но учение стало еще более интенсивным. В июле всю группу повезли в Кронштадт, на подводные лодки. Первый раз увидеть это было страшно: стальной гроб, из которого, если что, никак не выбраться – только быстро захлебнуться горькой и жгучей морской водой или задохнуться медленно и мучительно, лежа на морском дне.

– Астмы и клаустрофобии ни у кого нет? – спросил сопровождающий капитан-лейтенант. – Значит, все годны. Страхи свои себе засуньте сами знаете куда – есть такое слово – надо! Впрочем, тут на Балтфлоте, как оказалось, у одного очень даже заслуженного командира лодки клаустрофобия была – так он, стиснув зубы, себя одолевал, только на берегу срывался с катушек. Так его наша советская медицина методом психотерапии вылечила – и служи, без всяких завихрений!

Его уже приписали к подлодке К-55. Лето было теплым и солнечным. Ленинград, восстанавливающийся после Блокады, был красив. На бульварах зеленели свежесаживаемые тополя, и ходили девушки в летних платьицах. А вообще, в Ленинграде Васильевский (особенно та часть, что ближе к Стрелке) слыл средоточием научных учреждений, а за высоким искусством пожалуйста в Центр или на Петроградку. В августе приехал незнакомый кап-три, после чего нашего музыканта вызвали в кабинет начальника учебного отряда.

– Это и есть самый лучший? – спросил гость. – Что-то не вижу энтузиазма в его глазах.

– По результатам лучший, абсолютный слух, – ответил начальник отряда и рявкнул музыканту: – Живот втянул, плечи развернул, чучело! Ты кто, матрос РККФ или вольноопределяющийся Марек?

Старый писарюга-мичман, который в канцелярии выдал акустику документы, шепнул по секрету, что приехавший это сам Видяев, с СФ! Он на «Моржихе» ходил, которая весь немецкий флот перетопила – там весь экипаж это такие «звери», гвардейцы, ни у кого меньше трех орденов нет! И если ты им зачем-то

потребовался – гордись! А пока – вот, держи твои бумаги, и не забудь в каптерке парадку по первому сроку получить. И не посрами честь отряда!

На север самолетом (что тоже было необычным). Завод в Молотовске показался еще больше Балтийского, и столь же оживленным. Удивляло, что тут на производственной территории можно было встретить не только флотских офицеров в замасленных спецовках, по виду неотличимых от рабочих, но и женщин, одетых как на Большом проспекте Васильевского, они, конечно, не стояли у станков, но разносили бумаги, разговаривали с инженерами.

– С подачи нашей «адмиральши» так пошло, – сказал Видяев, – заводские не возражают. К тому же тут рядом и Кораблестроительный институт, ну а ученых на душу населения так, наверное, побольше, чем в Ленинграде.

Видяева тут хорошо знали. Они вдвоем прошли через периметр внутренней охраны, На причале, где была пришвартована громадная подлодка, необычно скругленных очертаний, Видяев сказал музыканту: ждать тут, и взбежал по трапу. На берег сошли трое, по форме и манерам – старослужащие, покосились на музыканта, спросили о чем-то у вахтенного – и, удовлетворившись ответом, прошли мимо. Затем появилась молодая женщина, красивая, статная, в шляпке, синее платье в горох развевается флагом на ветру – и громко сказала вахтенному:

– Ты моего позови!

Через минуту по трапу сбежал целый капитан первого ранга (командир, не иначе, раз в таком звании).

– Ленок, что случилось?

– Вань, я просто спросить пришла, ты сегодня дома обедать будешь? Я твой любимый борщ приготовила!

Тут на трапе появился Видяев, с ним еще один каплей, с маленьким плоским чемоданчиком в руке – и, к удивлению акустика, матрос с автоматом, причем АК-42, какие бывали лишь у морской пехоты, но никак не у экипажей кораблей, в учебном отряде были лишь мосинские карабины. Приветствовали командира «Моржихи», как своего, без особого чинопочитания, о чем-то с ним

переговорили, все вместе взглянули на музыканта.

– По полной проверить этого кадра хочу, – сказал Видяев, – за своих, отвоевавших, я спокоен, и с Балтфлота тоже отобрали лучших. Но вот вышло, что одно место свободно. Как он себя поведет под глубинками, это вопрос, но хоть чему обучен, узнаю.

– Не проблема, – ответил тот, с «Моржихи». – Где будем – у тебя, на «пятьсот шестой»?

Идти было недалеко – вдоль причала, до соседней лодки, меньшего размера. Аппаратура в рубке акустика заметно отличалась от привычной, – но те же наушники и верньеры для настройки угла пеленгации. Офицер с «Моржихи» скрылся в соседней выгородке, у входа в которую тут же встал часовой. Через минуту оттуда слышалось:

– Готово, я все подсоединил, включать?

– Сейчас ты услышишь картину реальной учебно-боевой задачи, – сказал Видяев, – и правильно запеленгуешь и классифицируешь все появившиеся цели, а мы после на планшете сравним. Будет хорошо, если сможешь хотя бы оценочно определить дистанцию. Условия – Норвежское море, ноябрь, термоклина нет.

Испытание длилось почти три часа. К удивлению акустика, привыкшего, что в училище им, как правило, давали прослушивать лишь один сигнал, записанный на магнитофон, здесь же звучала целая симфония, и не все цели шли в одном порядке, общим курсом! И это было очень трудно, вовремя перенастраиваться с одной цели на другую, определив наиболее опасную, идущую на сближение, и не упустить при этом ту, которую командир задал как главную, будущий объект атаки. Но музыкант выдержал экзамен, – а что было бы, если бы не оправдал доверия? Может, оно было и спокойнее – остался бы в мирном Ленинграде! Или здесь, на севере – и возможно даже, на берегу, в матросском клубе (был такой разговор с кадровиком, еще весной). Но заела глупая гордость – попавших на такие должности иначе, чем после корабельной службы или фронта, не слишком уважали. И хотелось показать, что он лучший.

– Принято, – сказал Видяев, – хотя кое-какие ошибочки есть, но в пределах. Готовься в дальний путь – кстати, как у тебя с немецким?

А дальше – Бремен, завод Дешимаг. Где наши, советские экипажи принимали новенькие лодки XXI серии. Рабочее место акустика, в точности как на той лодке, где был экзамен. И даже появился подчиненный, старший матрос Сыромятко, ответственный за электрическую часть, чтоб все исправно работало. «А также, по боевому расписанию, на гидролокаторе, могу пеленг взять, дистанцию определить. Но узнать, что там шумит, вражеская лодка подкрадывается, или каракатицы скрещиваются, это уж только вы!»

Отчего не обойтись одним локатором? Это объясняли еще в учебке, на первых занятиях. Поскольку есть такое поганое явление, работу локатора можно не только обнаружить, но и точно запеленговать, с гораздо большей дистанции, чем вы сами получите отраженный от цели сигнал. Так что лодка с локатором в активном режиме кричит на весь океан «я тут», сама не видя опасность. Оттого подводники предпочитают лишь слушать и пеленговать, а сонар включается, как правило, коротким импульсом, в последний момент, для уточнения дистанции, по уже определенному направлению. Исключения есть – форсирование минного поля, движение подо льдом или в мелководном районе. Но там, где вам предстоит действовать, этого нет.

Переход через два океана? С таким же успехом это могла быть кругосветка – экипаж не видел практически ничего, стоянки в чужих портах были коротки, и на берег сходили одни офицеры. Но человек это такое существо, что ко всему привыкает! И уже прежняя, мирная жизнь стала казаться чем-то бесконечно далеким.

А первым портом, где можно было по-настоящему размять ноги, стал Петропавловск на Камчатке. Совсем не похожий на «медвежий угол» на краю страны, описанный в романе «Богатство», прочтенном за часы отдыха в походе – Видяев рассказывал, что на севере матрос, не любящий читать, считался негодным к службе на подлодках, «без книг ты скоро спишишь». Нет, Петропавловск мая сорок пятого больше напоминал то ли военный лагерь, то ли осажденную крепость. Экипажам дали целых две недели отдыха. Относительного, конечно, – проверяли механизмы, принимали на борт провизию и топливо. Но свежий воздух! Свежевыпеченный хлеб! Кино в гарнизонном клубе!

Лодки вышли в море 31 мая. И уже в море, в ночь на 3 июня, было объявлено – война с Японией! То есть теперь и мы законно можем топить врага, но и нас потопят, если сумеют.

Первого противника встретили рано утром. Транспорт, на тысячу пятьсот тонн, как после объявил командир, шел без всякого охранения. Под японским флагом (да и не мог здесь и в это время оказаться наш, а тем более союзник), значит, законная добыча для «белой акулы». Атака сложности не представляла – заняли позицию, выпустили торпеды. Как сказал командир БЧ-3, могли даже обычными прямоидущими стрелять, а не ценными СН, не промазали бы – но первая цель!

После долго не происходило ничего. Лодке приказали быть в завесе, прикрывающей Курильский десант, причем позиция была наиболее удаленной к востоку, в океан. 21 июня было принято оповещение по флоту, в море японская эскадра. 22 июня уточнения о месте врага не последовало – Одзава свернул на восток, и на какое-то время самолеты-разведчики его потеряли. А в три часа дня акустик доложил командиру – есть контакт! Очень слабый, на пределе слышимости, но устойчивый, пеленг удалось взять.

Н-13 двинулась навстречу. Еще через час акустик понял, что контакт смещается вправо – значит, цель пройдет к западу от нас. Лодка легла на курс перехвата, в 16.30 оператор радара засёк воздушную цель, и командир приказал погрузиться. Через десять минут над этим местом пролетел японский самолет, ведущий противолодочный поиск, но летчики уже не увидели ничего.

Японцы (а кроме них тут не могло быть никого) приближались. Если только они не изменят курс, то пройдут как раз мимо затаившейся лодки. Строй стандартный, впереди завеса эсминцев, по бокам тоже, но менее плотная, а ядро эскадры – три больших корабля. Проходят все же чуть в стороне, – но если подсуедемся, то на малом ходу как раз поднырнем под край завесы!

Винты эсминцев слышны уже невооруженным ухом. На некоторых кораблях работают гидролокаторы – надежда, что немецкое резиновое покрытие на корпусе сыграет свою роль? Все же лучше нырнуть на глубину восемьдесят, так, эсминцы прошли, теперь наверх – место больших кораблей определено на планшете, успеваем!

Вышли на перископную. Головной корабль был определен как линкор тип «Исе». В кильватер ему шел второй линкор, авианосец был отдельно, по ту сторону колонны. Две минуты до пуска торпед!

И тут – взрыв бомбы, рядом. Но не было в непосредственной близости японских кораблей! Снова самолет? И уже поворачивают на нас эсминцы правофланговой завесы. А линкоры – меняют курс!

Будь на месте Н-13 «щука» или американская «балао», все было бы кончено. Потому что ближний из эсминцев был всего в пяти кабельтовых – правда, ему надо было еще завершить циркуляцию, – зато взрыв бомбы с самолета достаточно точно показал японцам место лодки. И развернулся бы весь дивизион, и прочесали бы все «гребенкой» на параллельных курсах, работая локаторами и бросая глубинки – примерно так в августе сорок четвертого возле Филиппин погибла американская лодка «Хардер» под командой «убийцы эсминцев» командера Дили, прославившегося победами именно над эскортными кораблями. Но «двадцать первая» была быстрее, шестнадцать узлов полного подводного хода против восьми у «балао», и в полтора раза меньше размером, а значит, поворотливее. А командир, капитан-лейтенант Маринеско, был подводником «от бога» – да, в этой реальности ему не довелось потопить «Густлоф», но зато были командирские курсы «у самого Лазарева», а еще Военно-медицинская академия, где его излечили наконец от клаустрофобии, «не беспокойтесь, Александр Иванович, у вас еще начальная стадия, это лечится. На ваш счет особый приказ главкома ВМФ – вылечить, чтобы впредь на берегу с катушек не срывался». Самое странное, что приказ, подписанный главкомом, действительно был – откуда Кузнецов мог узнать о болезни какого-то капитан-лейтенанта? А учили «у Лазарева» многим интересным вещам и на очень интересной технике – взяв кучу подписок о неразглашении. Зато оказалось, что командир еще до вступления в должность успевал хорошо изучить скоростные и маневренные характеристики своего нового корабля.

Моторы на самый полный. Рули на погружение, восемьдесят метров. Курс 260. Японцы будут уклоняться от нас, повернув влево, – и правильно, линкоры же не эсминцы. Но они не смогут и быстро повернуть на контркурс, и на циркуляции их еще вынесет к нам! Ввести в торпеды – на кильватер, вправо, в режим после десяти кабельтовых! Акустик, докладывай пеленг! Задача была наподобие той, на экзамене, давать пеленги штурману, ведущему на планшете места цели и охотников – вот только делать это в динамике боя!

Лодка выскочила из-под «гребенки» – бомбы рвутся за кормой, может, и слышали самураи про характеристики «двадцать первых», но привычка сильнее, вся тактика у них на американцев заточена. Теперь выходить на глубину двадцать. Можно было рискнуть под перископ – но проклятый самолет! Он может и так нас заметить, но если пролетит совсем уж над нами, вероятность мала. Черт, цель уходит, а у нас еще скорость не сброшена, нельзя торпедами стрелять! Выходим на пятнадцать метров, скорость пять – можно! Пуск всеми шестью! И вниз скорее, на двести метров, рывок от места залпа, и медленно, осторожно отползаем на маломощном режиме, шесть узлов!

Пять взрывов торпед слышали отчетливо. А затем взрывы глубинок, свист японских локаторов и визг винтов эсминцев – в стороне и за кормой! Потеряли нас самураи, ну и пусть теперь море бомбят! А мы – в сторону, в сторону, по миле каждые десять минут!

И хорошо, что на новых лодках особая аппаратура стоит, слишком громкие звуки фильтрует. А то было бы взрыв глубинки как удар по ушам, и что стало бы не то что с музыкальным, а со слухом вообще? На балтийских лодках бывало, что акустиков списывали на берег после одного похода. А здесь тихие шумы слышны отчетливо, даже с усилением, зато громкие как сквозь вату. Но взрывы торпед с глубинками не спутать, кого это мы угостили? В любом случае – пять попаданий, да еще под днищем, мало не показалось, кто бы ни был!

– Дырки вертите, – сказал командир, обращаясь к тем, кто был в ЦП. – Думаю, что за линкор не обидят. А тебе, старший матрос Хачатурян, медаль Нахимова как минимум обещаю. За то, что первым такую дичь услышал.

Через час, когда наверху стих шум винтов эсминцев, Н-13 всплыла под перископ и подняла антенну. Можно было запустить радиобуй – шар полуметрового диаметра, через торпедный аппарат, как только достигнет поверхности, то включается часовой механизм, проматывающий целлулоидную перфоленту, в эфир идет записанная морзянка, а после открывается клапан затопления. Но техника еще не была отработана, не проверена, не надежна, а главное, не позволяла получить в ответ «квитанцию», условный радиосигнал, что ваша передача принята и понята. Да и буй все же представлял материальную ценность, – потому командир решил поступить, как привычно. В донесении кодом было сообщено об обнаружении японской эскадры – место, курс, скорость. И о том, что один из тяжелых кораблей имеет повреждения. Радиограмма была принята в штабе флота, на Камчатке готовились к вылету бомбардировщики и

меняли курс подводные лодки, на пересечение с противником.

Линкор «Хиуга» затонет через полтора часа. Торпеды с неконтактным взрывателем разорвали днище от кормовой оконечности до средних башен. Погреба не взорвались – но треть корпуса корабля потеряла плавучесть, и проблема была даже не в десяти тысячах тонн принятой воды, а в том, что когда оконечность входит в воду, остойчивость ухудшается резко, скачком, так что возможно мгновенное, за секунды, опрокидывание корабля, что и случилось[7 - Именно так погиб линкор «Новороссийск»]. Из тысячи четырехсот человек экипажа спаслись единицы – причем большинство так и остались заживо погребенными в чреве тонущего линкора. Как когда-то двести человек машинной команды русского броненосца «Ослябя», погибшего в Цусиме, как большинство из команды «Кагановича», две недели назад. Теперь русские отомстили за всё! И это был еще не финал.

Карен Суренович Хачатурян и в этой реальности станет выдающимся композитором и педагогом – демобилизованный в сорок шестом (строго по закону, лица с высшим и средним специальным образованием призываются на половинный срок, ну а во флоте тогда служили пять лет, значит с льготой выйдет два с половиной), закончит Московскую консерваторию. Но первой его наградой здесь станет не орден Дружбы, полученный в иной истории в 1995-м, а Отечественная 1-й степени, врученный всему экипажу Н-13 за потопление линкора. Бывший старшина 1-й статьи станет автором музыки к кинофильмам, как и в нашей истории, – и первой в этом ряду будет советско-итальянская лента «Битва за Рим» (о событиях 1944 года и спасении папы из немецкой тюрьмы с острова Санто-Стефания), затем «Тайна двух океанов», снятый на «Грузия-фильме», совместно с Ялтинской киностудией, «Семнадцатый конвой», «Угнать субмарину» и многие другие, но почти половина о море и морях.

Он так и не узнает, какую роль в его судьбе сыграла всего одна строчка в докладе Лазарева М. П. на имя главкома ВМФ Кузнецова, написанном еще в декабре сорок третьего. «Рекомендую привлечь студентов и выпускников музыкальных училищ и консерваторий к службе акустиками на подводных лодках и надводных кораблях».

Адмирал Одзава, линкор «Исе».

Вечер 22 июня 1945 года

А была ли лодка? Самолет вроде что-то заметил, но корабли, прочесавшие это место почти сразу же, не обнаружили ничего! И тут же был атакован «Хиуга», и поиск врага снова ничего не дал! Так кто там внизу – обычная субмарина, или Подводный Ужас, пожиратель целых флотов? Если верно худшее, то демон от нас уже не отстанет! И ничего с ним не сделать – немцы говорят, что спасение от него одно – быстро убежать!

Одзава не был трусом. Считавшийся по праву лучшим тактиком японского флота, он умел отлично использовать средства, которые имел и к которым привык, но не умел выходить на новый уровень – подобно тому, как самурай, выйдя на поединок, мог по стойке противника предвидеть его удар, но не был готов к тому, что враг выхватит револьвер. Сражения, в которых он командовал, в обеих исторических реальностях, были разыграны безупречно, и безусловно завершились бы победой – при условии, что силы врага были бы зеркальным отражением его собственных. Но ВМС США сорок пятого года отличались от самих себя времен Перл-Харбора в той же мере, как РККА лета сорок первого от Советской армии, бравшей Берлин, а вот Императорские Армия и Флот почти не прогрессировали за это время.

Ведь по восточной традиции, творить может лишь патриарх Школы, а всем прочим надлежит лишь безупречно исполнять заданный им канон.

Сами японцы верят, что битву у Сайпана Одзава провел безукоризненно, но боги не даровали ему победу. Конечно, если считать волей богов тот факт, что японский адмирал действовал, словно никаких американских радаров не существовало. История не знает сослагательного наклонения (даже после экспериментального подтверждения фактом попадания «Воронежа» существования параллельных миров – ведь по-другому все равно может случиться в иной реальности, а не в этой), но если бы на месте Одзавы был не японский, а русский адмирал? Мысль, которая через много лет пришла в голову некоему Лазареву М. П., на покое писавшему книгу по военно-морской истории. Был ли за японцев выигрывающий вариант?

Как ни парадоксально – но мог быть! Если сила американцев была не только в технике и подготовке личного состава, но и в идеальном управлении. Но локаторы того времени легко глушились самыми простыми помехами – тогда еще не умели ни вести селекцию движущихся целей, ни оперативно менять

рабочие частоты. Если в час X с береговых аэродромов взлетают эскадрильи армейских бомбардировщиков – не обученных работе по кораблям, но этого и не требовалось. Имея на подвесках не торпеды, а целые батареи неуправляемых ракет, с дистанционным подрывом, с боеголовками, начиненными фольгой! А истребители Армии должны были прикрыть своих подопечных до выхода на рассчитанный рубеж пуска ракет. Этого хватило бы бомбардировщикам и торпедоносцам Флота, чтобы незамеченными выйти на дистанцию удара по американской эскадре – причем первая атака шла бы по эсминцам радиолокационного дозора, периметр рушится, и главные ударные силы прорываются к авианосцам! Конечно, потери были бы огромными, учитывая мощь американского зенитного огня, но и у японцев были все шансы на этот раз не остаться в долгу; может быть, даже это не стало бы японской победой, – но даже за выигрыш сражения янки пришлось бы заплатить настоящую цену.

Хотя даже в этом варианте Япония все равно проигрывала бы войну. Просто потому, что США могли позволить себе потерять еще два, три авианосца – введя в строй в течение ближайшего года еще десять (а с массовой переделкой из крейсеров «Кливленд» и все тридцать), аналогично и по кораблям других классов. А вот для японской промышленности такой темп был абсолютно недостижим! И рано или поздно – «когда у одной из сторон пятикратный перевес в кораблях, и десятикратный в палубной авиации, говорить о военно-морском искусстве неприлично».

Но сейчас Одзава просто не знал, что делать! Налет пусть даже большого числа и превосходящего качества самолетов был все же знакомой проблемой, с которой можно бороться. Но что делать с подводным демоном, превосходящим обычные субмарины настолько же, как линкор «Ямато» превосходит паровые фрегаты командора Перри? Лишь убегать, потому что наши жизни и корабли еще будут нужны Японии! Бежать на север, от своих баз – потому что демон оказался позади!

У немцев «Шарнхорст» в сорок третьем спасся, удирая на тридцати узлах – демон сожрал лишь отставший и потерявший ход эсминец. Но «Исе» не мог развить свыше двадцати пяти, а авианосец «Дзуньо», переделанный из лайнера, едва мог держать двадцать четыре, и отставал! И нельзя идти противолодочным зигзагом, чтобы не замедлять движение, и акустика эсминцев ничего не слышит на таком ходу. А потому мы узнаем, гонится ли демон за нами, лишь когда он еще кого-то потопит!

Прошло уже три часа, наступили сумерки. И вдруг взорвался «Дзуньо», два попадания, ближе к корме, авианосец потерял ход! И ничего нельзя сделать – лишь передать «Тачибана» и «Симуре» остаться с подбитым, охранять, а при необходимости снять команду. Было бы слишком самонадеянно думать, что два эскортника смогут справиться с демоном – хорошо, если они заставят его, решившего добить жертву, повозиться чуть дольше.

Подводная лодка Н-3.

Ночь на 23 июня 1945 года

Командир, капитан 3-го ранга Бочаров, рассматривал в перископ неподвижную цель. Все же достали мы самурая, на самом пределе! Штаб флота вовремя передал информацию, и лодка успела занять позицию, на предполагаемом пути японской эскадры, – но как оказалось, все же чуть в стороне. И будь у нас Щ-407, которой Бочаров командовал на Балтфлоте, ушел бы враг невредимым, но возможность рвануть под водой шестнадцатизловым ходом значит очень много, особенно когда акустик уже уверенно дает пеленг, и по его смещению можно судить, пройдет ли цель в пределах досягаемости торпед.

И все равно стреляли уже позади траверза цели, фактически вдогон. Четыре торпеды, надо думать, утонули по исчерпанию дальности хода, но две все же успели поразить врага, опознанного как тяжелый авианосец. Странно, что японцы продолжили следовать своим курсом, оставив со столь ценным кораблем всего два эсминца! Спешили куда-то, имея важное задание? Ну, мы не торопимся никуда, подранок от нас не уйдет. А прочими заняться – тоже есть кому!

Поднять антенну (можно было радиобуй выпустить, но зачем терять ценный инвентарь?), сообщить в штаб. И начинается охота. Японской авиации можно не бояться, вон как сел этот на корму, хрен с его палубы взлетишь и сядешь! Эсминцы ходят кругами, ну что ж, тем хуже для вас! Взгляд на планшет – вот в эту точку выйти и ждать. Командир БЧ-3 – подготовить две торпеды на кильватер, вправо, и четыре обычные, прямоходные. Если все рассчитали правильно, то эсминец должен пройти в восьми-двенадцати кабельтовых перед нами, ну а второй будет в это время по другую сторону прикрываемого объекта от нас!

Не ошиблись. Пуск двумя. Поворачивает, что-то услышал, – но поздно, не увернется уже! Есть, хотя только одна попала, но для эсминца этого достаточно для полной потери боеспособности. Нам он уже не интересен, вперед, пока второй не может вмешаться! Ну вот, условия стрельбы идеальные – большая неподвижная цель, бортом, дистанция 20, можно еще сократить. Так, второй эскортник выскочил, идет на нас, ну и пес с ним! Доклад из торпедного – первый и второй успели перезарядить, так что у нас шесть в залпе. Отставить – по авианосцу четыремя, как приказано, а вот слабо сделать дуплет? Четыре ушли, доворот, эсминец на контркурсе, лоб в лоб – дистанция 10, пуск двумя! И отворот, и на глубину, ход полный! Да, «немка» не «щука», намного резвей!

Взрыв – по пеленгу, эсминец, шум его винтов прекратился. И два взрыва, авианосец – все же растворение веера можно было дать поменьше? Из осторожности отползаем еще в сторону, аппараты уже перезаряжены, вот теперь можно и перископ. Одного эскортника на поверхности нет, второй явно не жилец, с таким креном, и горит. Это важно – сначала оценить состояние опасных для тебя противников, а то могло быть, что торпеда преждевременно взорвалась, а эсминец машины на стоп – и слушает, когда ты высунешься. Теперь, что с авианосцем – вот красота, кормой осел сильно, и кренится, и дым столбом! Может быть, и сам скоро утонет – но ради такой цели и еще пары торпед не жалко, тяжелые авианосцы советскому флоту нечасто попадают на прицел! С восьмью кабельтовых – как «удар милосердия», чтоб не мучился – двух торпед хватит. Хорошо рвануло – ну, если он и сейчас не утонет, в бога Нептуна верить перестану!

Да, не зря были курсы усовершенствования! А как поначалу ерепенились командиры лодок, когда их, по году, а то и больше отвоевавших, в Москву отзывали, «на переподготовку»! Но против приказа не попрешь. Со всех подписку взяли, учебный класс охраняли «волкодавы» из флотского СМЕРШ – внутрь зашли, а там на столах такие чемоданчики с телевизорами внутри, как в романе Беляева «Чудесное око». И управление, клавишами или утюжком, можно не смотреть, а самому играть, как это сделано, непонятно, да и неважно это! В принципе, такие учения с моделированием боевой задачи еще до войны проводились, на планшетах, идея была знакома. Но были эти игры редки, поскольку сложны и трудоемки – на каждого играющего несколько человек должны были считать и чертить, и, конечно, что-то упускали. А тут – «характеристики лодок, их вооружения и средств обнаружения соответствуют тому, на чем вам завтра воевать». И – вперед, сначала вот вводные, покажите, как бы вы действовали. А затем – ознакомьтесь с некоторыми тактическими приемами. И сразу – можно попробовать... интересно, а кто же за противника

играет? Причем ладно бы еще бой один на один, но при атаке конвоя или эскадры в игре до тридцати целей! И если условно «потопят», на экране сообщение, и начинай заново. От момента обнаружения и сближения – на этом этапе время можно было «ускорить», чтобы долго не сидеть. «Учителем» был сам контр-адмирал Лазарев – командир «Моржихи», что у немцев на севере весь флот перетопила. А ассистировали ему еще два героя-североморца, Котельников с Видяевым. За две летние недели каждый из «учеников» столько выходов в атаку, прорывов охранения, отрывов от преследования провел – сколько за всю войну не приходилось (в реальном походе, длящемся неделями и месяцами, собственно контактов с противником может быть – по пальцам сосчитаешь). И в завершение было совсем уж небывалое на войне – подводные дуэли! Может, оказывается, и лодка по лодке под водой стрелять. Ну и очень помогло, что к маневренным качествам лодок «тип XXI» привыкли, не смущало уже ни двести метров глубины, ни шестнадцать узлов полный подводный ход и шесть, экономичный (вместо восьми и двух, соответственно, у «щук»).

Утоп наконец авианосец, скрылся под водой. Видно плохо, стемнело уже, – но акустик докладывает, что слышит характерные звуки – корпус разрушается, механизмы сорвались со своих мест. И вроде там плотики плавают – на таком корабле экипаж должен быть тысяча, а то и полторы, а ведь еще и с эсминцев кто-то спастись мог – так что болтается сейчас наверху в море больше народа, чем с «Титаника». Немец бы, наверное, всплыл и из пушки по плотам, чтобы артиллеристы навык не теряли – политработники рассказывали, что были у фрицев и такие звери, как Бронде или Лют, кто при этом еще и свободных от вахты наверх вызывали, с ручными пулеметами, чтоб поучаствовали. Ну а мы не фашисты – донесение в штаб флота, вместе с координатами... большое число возможных пленных. Так что, если у наших будет возможность, то пришлют кого-нибудь подобрать. Ну а кто из япошек до того не доживет, мы не виноваты, судьба!

Авианосец, два эсминца – ну не совсем эсминцы, эскортные миноносцы типа «Тачибана» или «Матсу», силуэт в альбоме похож, но не мелочь, по 1700 тонн! Вот не было ни гроша на боевом счете – и вдруг алтын... а ведь три штуки и есть! Думаю, ордена за такое всей команде, «Отечественная первой» – по статуту положена тем «кто, входя в состав экипажа корабля, самолета или боевого расчета береговой батареи, утопил боевой корабль или 2 транспорта противника», ну а тут целая троица. А ведь война не кончена – может, еще кто попадется?

Победно скалится белая акула, нарисованная на рубке Н-3. Кто еще попадет на зуб?[8 - В нашей реальности капитан 3-го ранга Бочаров П. И., командуя на Балтике Щ-407, потопил «Зеебург», третий по размеру немецкий корабль, после «Густлофа» и «Штойбена», уничтоженный нашими подводниками. Также к числу достоверных побед следует отнести транспорт «Нордштерн», потопленный при следовании в конвое. Однако же ни Щ-407, ни ее командир не удостоились за войну никаких наград. Так как Бочаров до 1943 года командовал на ТОФ лодкой Щ-123, то весьма вероятно, что в альт-реальности он будет одним из первых кандидатов на «немки».]

Адмирал Одзава, линкор «Исе».

Ночь на 23 июня 1945 года

Тот, кто уже умер – не боится ничего. И является истинно свободным в своих поступках. А истинный самурай живет – в любой миг готовый умереть!

Стало известно – «Хиуга» затонул, почти со всем экипажем. И не отвечают ни «Дзуньо», ни его конвой. Как до того погиб «Читозе» – и ни в одном случае атакующая лодка не была замечена достоверно! Может быть, это были разные лодки? Но даже немцы, более искусные в подводной войне, чем Императорский Флот, не показывали такого класса управления своими субмаринами! Значит, с большой вероятностью – внизу ходит Подводный Ужас. Не спешит нас добивать – значит, уже не выпустит, уверен, что нам от него не уйти! И мы все уже мертвы.

А если Енаи прав, и нет никакого демона, а есть всего лишь один корабль, намного обогнавший свое время, это для нас ничего не меняет. Как сто лет назад, во время «опиумной войны», единственный английский паровой фрегат, и против него, от горизонта до горизонта, стена огня от сотен горящих китайских джонок – на картине, которую Одзава видел когда-то давно, в британском Адмиралтействе. Китайцы середины прошлого века тоже считали себя Великой державой, с многомиллионной армией и флотом из тысяч боевых кораблей. Только все это оказалось прахом перед горсткой гайдзинов и их намного более совершенным оружием. А ведь китайцы не были дикими зулусами, они изобрели порох, ружья и пушки раньше, чем европейцы! Вот только западный путь оказался сильнее – не искуснее, не совершеннее, но сильнее – думать не о духовном начале, а о механических усовершенствованиях, позволяющих даже

слабому трусу победить истинного воина! Отчего в той войне весьма многочисленная китайская артиллерия оказалась «бумажным тигром», не нанеся англичанам никакого урона? Да оттого, что китайцы не сумели изобрести такой простой вещи, как колесный лафет, – а стволы, наглухо закрепленные в деревянных колодах, трудно было наводить, перемещать, а будучи установленными на кораблях, они расшатывали корпус. Но ведь в Японии все было иначе?

Да, страна Ямато, решив превзойти европейских гайдзинов, прежде всего в военном деле, старательно перенимала от них все военно-технические новинки, создав мощную армию и третий в мире флот. Но не было ли и тут сделано роковой ошибки?

Одзава помнил – тридцать пятый год, визит немецкой военной делегации. Германия тогда собиралась строить «Цеппелин», свой первый и единственный авианосец – и, не имея опыта, скооперировалась с японским союзником, получив полную техническую документацию по авианосцу «Акаги», в обмен на новейшие немецкие системы управления артиллерийским огнем (поставки готовых и лицензия на производство). И глава делегации, в ответ на вопрос, как гости оценивают японскую военную и морскую мощь, рубанул с тевтонской прямоотой, еще не будучи знакомым с правилами восточной дипломатии.

– Вы, японцы, научились копировать чужое. И даже что-то усовершенствовать. Но вам не дано придумать что-то качественно иное! То, что вы нам показали, – это всего лишь улучшенная копия британского «Фьюриеса». И вы совершенно не понимаете, что оружие это лишь верхушка, острие – у вас еще хватает ума сообразить, что к пушкам нужны нормальные СУО, но вы абсолютно не видите важность развития технологий даже в военном производстве.

Скандала не возникло – все же союзник! Что поделать, белым гайдзинам обидно видеть, что какой-то из народов презируемой ими желтой расы может в чем-то сравниться с «цивилизованными людьми»! Немцы по существу ничем не отличаются от англичан и янки – разница лишь в том, что битва с ними за господство над миром это дело не завтрашнего, а послезавтрашнего дня. Начав войну на Тихом океане, Япония показала, что ничем не уступает белой расе – Малайя, Сингапур, Филиппины, Бирма, Индия – и всюду европейцы в ужасе бежали от японской армии и флота; а если и начали побеждать в последние два года, то это исключительно оттого, что выставляли впятеро, вдесятеро больше сил! Но тут ничего не поделать, Япония не виновата, что ее население,

территория и промышленный потенциал на порядок уступают США и Англии – сто самых отважных самураев не могут победить тысячу, а лишь погибнуть с честью, сохранив свои имена в веках.

Проклятые русские! В полный их разгром Одзава (согласившись с мудрой оценкой Енаи) не верил, вспоминая сказанное еще Бисмарком, «русских нельзя победить, но и сами русские не могут быть победителями», так что наиболее вероятным прогнозом было взаимное истощение СССР (за которым стояли англосаксы) и Германии (с вариантами, от сепаратного мира до позиционного фронта образца прошлой Великой войны), с последующим истощением и США с Англией, вынужденных этот конфликт разрешить; ну а Япония в этом раскладе оставалась при своем захваченном, как после той войны Циндао, после этой – Индокитай, Малайя, Филиппины, Ост-Индия, Бирма, территории в Китае, а возможно, и в Индии (это в дополнение к ранее принадлежащим Империи Кореи, Маньчжурии, Формозе, островах Южных морей). Кто же знал, что Германия окажется настолько слабым союзником, что, надорвавшись, бездарно спустит все свои победы!? А в итоге Япония оказалась в полном одиночестве против коалиции, жаждущей ее крови и совершенно не показывающей усталости от войны! Когда Империя напрягала последние силы, отступая постепенно, с тяжелыми боями, – были потеряны Филиппины, пришлось уйти из Индии, англичане вторглись в Бирму, под угрозой Индокитай, – но по большому счету еще ничего не было решено, пока оставались ресурсы и промышленная база Маньчжурии, Кореи и части Китая – русские, до того отсиживающиеся в стороне, подло ударили в спину самураю, истекающему кровью!

О том, что будет завтра, – не надо думать: это в воле богов и божественного микадо. Но если боги по-прежнему покровительствуют стране Ямато, то они помогут нам в этом бою! Надо лишь помнить, что боги не помогают трусам – а лишь достойным, сохранившим честь и лицо! Значит, надо поступить, как положено самураю. Дать бой русским здесь, возле островов – уклоняться от битвы в первый день было ошибкой.

А если боги отвернулись от Японии и больше не защищают ее – тогда не надо и жить!

Завыл ревун воздушной тревоги. Когда адмирал вышел на мостик, налет уже закончился. В небе догорали «люстры» САБов, а русские топмачтовики скрылись во тьме – и горели эсминцы «Кейки», «Моми», а «Хиноки» уже затонул! Экипажи с подбитых – не снимать. Нет смысла, если мы сами не вернемся домой. Пусть

они хотя бы отвлекут на себя какие-то силы русских и время. Даже если все завершится тремя торпедами с Подводного Ужаса – не бесконечный же на сверхкорабле боезапас? Но главное, демон здесь – и уже не успеет к берегам Кореи. Кстати, надо радировать эсминцам, остававшимся с «Хиугой», чтобы они шли не на соединение с нами, а пытались перекрыть проливы на запад, может, и это хоть немного задержит Ужас, когда он, разделившись с нами, поспешит туда. Ну а мы успеем еще хлопнуть дверью, подороже отдав свою жизнь!

Радио с «Кейки» – торпедирован, тону. Демон пожирает отставших, считая их легкой добычей, – как рассказывали немцы, это была действенная мера и в европейских водах. Что ж, имена погибших будут занесены на стену храма Ясукуни! Остается лишь отомстить за них.

Стрельба в ночи! И радио с миноносца «Манадзуру»: веду бой, это не лодки, а торпедные катера! С радарами – как иначе они могли нас найти? Взрывы торпед – и два миноносца правофланговой завесы, «Манадзуру» и «Хатцукари», не отвечают на вызовы. Погибая, они спасли эскадру, тут же изменившую курс влево. Значит, цель уже близко – радиус действия катеров не может быть велик! Неизвестно, понесли ли русские потери, – но если и да, то вряд ли в равновесии с двумя миноносцами, по сто восемьдесят человек экипажа на каждом. И никто не будет заниматься их поиском и спасением в чужих водах. Хотя еще недавно Япония считала это море своим. И до берегов Метрополии совсем недалеко.

Час до рассвета. И какие-то полсотни миль до Курильской гряды. Сейчас мы обрушимся на русских, подобно тайфуну! Линкор, легкий крейсер и семь миноносцев – этого хватит, чтобы разобраться с плавучей швалью, которую гайдзины сумели там собрать. Ну а после – наш долг перед Японией будет выполнен.

И тут в «Исе» попали торпеды. Подводный Ужас все же нас настиг?

Погибаем за Императора – Тэнно Хэнку Банзай!

Корветтен-капитан Хайнц Байрфилд.

В июне 1945 года – командир лодки U-214, Фольксмарине ГДР

Лишь теперь понимаю, отчего русские нас победили! У них на флоте порядок, как в штрафбате.

«Папа» Дениц нас берег. До того, что командиру давалась свобода отказаться от атаки, если считаешь, что опасность угробиться слишком велика. Себя сохранить, чтобы «в следующий раз, без риска». Правда, когда вместо Кригсмарине стало Ваффенмарине, это после того как «Шеер» русским сдался и на лодках кригс-комиссары появились, то началась жуть. Потому что набирали их из партийных береговых крыс, ничего в военно-морской тактике не понимавших, – хорошо, если у кого-то здорового ума все же хватало, а то ведь попадетсЯ кретин с мышлением, увидел противника, вперед и на него! Мне вот такой и попался, в первом же походе... ну и лежит моя U-703 где-то на дне у берегов Норвегии, русские только меня и подобрали, и еще эту сволочь, верно говорят, что дерьмо не тонет. Теперь этот ублюдок, с характерным прозвищем Свинорыл, вынырнул в Бремене на некоей административной должности, на каждом углу орет о верности делу Сталина и коммунизма – так же как когда-то внушал моему экипажу: за фюрера и Рейх. С охотой придушил бы его – но ведь политическое дело прилепят! И карьере не хочется ломать – тем более что русские слово сдержали. Обещали ведь когда-то, что срок выслуги в чине идет от получения предыдущего, а не со дня вступления в «свободную Германию», ну а я в каплеях уже достаточно ходил, и вот – считай что авансом, корветтен-капитан! А может, и тут политика – что на службу новой власти идет не кто попало, а старший офицерский чин, с двумя Железными крестами.

Слава богу, со статусом определились! А то ведь сразу после капитуляции было, вот смех, согласно протоколу, не армия, а «военизированная казарменная полиция», ядро которой это бывшие 15-я и 21-я танковые дивизии. А флот тогда чем считать – морской жандармерией? Хотя осталось этого флота... русские самое ценное выгребли себе, в компенсацию – не брезгуя даже портовыми буксирами, плавкранами, плавдоками и прочим вспомогательным хозяйством! Оставили древний броненосец «Шлезвиг-Гольштейн» (и еще его систер-шип «Шлезииен», угодивший у Данцига под русские бомбы, вроде собираются поднять), крейсер «Эмден» постройки 1926 года, дюжину миноносцев типов «35» и «37» (все уцелевшие более поздние и мощные «39», равно как и «церштереры», забрали), две флотилии тральщиков (что чистят сейчас Балтийское море от мин) и меньше десятка старых подлодок, оказавшихся в северогерманских портах – ограбили нас почище, чем после той, прошлой войны! Правда, никаких запретов на кораблестроение не наложили, и верфи работают – вот только первые двенадцать лодок «тип XXI», вступившие в строй после капитуляции, уже у стенки завода подняли советский флаг! Но обещали, что и

нам что-то достанется, как с япошками разберутся – будет тогда половина русским, половина нам. Так ли это, не знаю, мы в октябре из Бремена ушли. Как там дома?

Шли через два океана – двенадцать «двадцать первых» с русскими экипажами, наши U-214 и U-218, громадный двухтрубный пароход «Советская Украина» (бывший «Берлин») в качестве плавбазы и штабного корабля, и два транспорта, «Ижора» и «Луга». В Норфолке к нам присоединились, также под русским флагом, два эсминца типа «флетчер» и шесть десантных кораблей. Стоянка в главной американской военно-морской базе была короткой, и ее омрачило крайне враждебное отношение американцев к моим парням, вплоть до драк и поножовщины без всякого повода с нашей стороны – при том, что к русским было показное дружелюбие. И это, как нам сказали, были еще «цветочки», а вот попробовали бы вы зайти в британский порт...

Этот факт убедил в правильности сделанного нами выбора колеблющихся (если таковые и были среди нас). Профессия моряка вполне достойная и оплачиваемая, чтобы менять ее на какую-то другую (особенно в свете послевоенных бедствий, голода и безработицы). В то же время мы видели, что торговый флот Германии уменьшился еще в большей степени, чем военный, а всерьез рассчитывать на карьеру у американцев или англичан для бывшего подводника кригсмарине было полным абсурдом (и надо полагать, у всех держав после войны будет в достатке своих моряков). Бежать же в Латинскую Америку (где сильна католическая церковь) после римских событий было бы верхом глупости. К тому же русские, формируя экипажи на наши лодки, отдавали явное предпочтение семейным, чьи родные остались в Германии.

Ну а для меня лично выбор был ясен. Если Германия не погибла, а называется сейчас ГДР. И как положено, имеет свой собственный флот. Чем мечта дослужиться до чина капитана цур зее[9 - Капитан 1-го ранга в советском флоте.] хуже любой иной (а уж выйти на пенсию адмиралом это предел!).

Конечно, нас не оставили без внимания. От русских в нашем экипаже числился капитан-лейтенант Сапожников, не партийный функционер, а служивший ранее первым вахтенным офицером на одной из лодок Балтийского флота[10 - Герр Байрфилд называет должность старпома, как ему привычно в кригсмарине. Хотя аналогия не точная – на немецких лодках «первый вахтенный офицер» это еще и командир БЧ-1-4.] и хорошо говоривший по-немецки. Исполнял у нас обязанности офицера связи с русским штабом, а никак не кригс-

комиссара, до того дня. Единственное, что делало похожим Сапожникова на кригс-комиссара, так это то, что после, с началом войны, он взял на себя обязанность читать и переводить экипажу военные сводки Совинформбюро. Русская армия вела наступление по всем фронтам, буквально размазывая японцев тонким слоем. Черт подери!.. Но нам немцам почему-то было чертовски приятно быть частью этой всепоглощающей силищи!

Камчатка показалась мне похожей на Норвегию. А Петропавловск, главная русская база здесь, – на Нарвик. Нельзя сказать, что русские относились к нам с братской любовью, – но исправно выдали положенное снабжение (непривычным лишь было, что хлеба нет, одни сухари – в кригсмарине свежую выпечку брали из расчета хотя бы на первые дни), сообщили всю необходимую информацию. Даже сводили желающих в местный музей (оказывается, тут есть и таковой!), где мы узнали, что этот город мало того что основан почти два века назад, так еще имеет славную военную историю, успешно отбившись от набега «лимонников» с «лягушатниками» в 1854 году и истребив японский десантный отряд в 1904-м. Сейчас же Петропавловская бухта была забита кораблями, как бочка селедкой, одних лишь субмарин было четыре десятка. С удивлением я увидел знакомые очертания русской «Моржихи», и лишь вблизи было видно, что это макет. Но и сама сверхсубмарина тоже была тут, неделю назад, и вышла в море перед самым нашим прибытием. Если это так, то мне искренне жаль япошек – и черт возьми, приятно, что в этой войне Полярный Ужас будет сражаться на нашей стороне! Шмультке, мой второй вахтенный офицер, усомнился, зачем тогда здесь нужны мы? Я ответил, что русские, вероятно, похвально предусмотрительны, как у них говорят, «не кладут все яйца в одну корзину».

Мы вышли из Петропавловска 30 мая. Шли к берегам Японии, сильно отклонившись к востоку, в океан, от Курильских островов, мы не «двадцать первая», нам приходилось быть осторожнее. Причем бояться следовало не только японцев, в этих водах вполне можно было наскочить и на американские корабли, а особенно самолеты. Но все же спокойнее, чем в Атлантике, янки пока еще были тут гостями, не хозяевами, а японская ПЛО после англичан смотрелась убого. И от нас требовалось, прежде всего, тихо прийти и тихо уйти, выставив в Сангарском проливе у входа в порт и базу Хакодате пятнадцать мин SMA, что мы таскали в шахтах еще от Бремена. А уж после охотиться на встреченные японские корабли и транспорта.

Первого противника, подводную лодку, мы обнаружили акустикой, хотя шли в надводном положении, успели погрузиться. Были уже сумерки, но силуэт цели еще можно было хорошо различить в перископ. Одна пушка на палубе, позади довольно крупной рубки, была характерна для японских крейсерских субмарин, но не для русских лодок[11 - И для ПЛ США тип «Балао» и «Гато». Герру Байрфилду следовало быть внимательнее – у американцев рубка башнеподобная, а у японцев удлиненная, из-за самолетного ангара. Но если смотреть в сумерках и под острым курсовым углом, то действительно можно ошибиться.]. К тому же мы достоверно знали, что русских в этом районе, к тому же идущих со стороны океана, курсом на запад, быть не может. Американские союзники также не сообщали нам ни о каких своих операциях здесь и в это время – потому я решил атаковать. Две торпеды были выпущены с дистанции всего девять кабельтовых, одна из них достигла цели. Так как наш поход лишь начинался, мы не стали всплывать, чтобы подобрать пленных.

11 июня мы подошли к цели. За все время нам четырежды приходилось уклоняться срочным погружением от самолетов, и один раз мы обнаружили корабельный противолодочный дозор из пары тральщиков. Поскольку проникать глубоко в акваторию пролива Цугару было бы самоубийством, я решил, в рамках полученного приказа, выставить мины двумя банками у его восточного входа, на предполагаемом фарватере. Как назло, на отходе черт послал нам навстречу одиночный японский транспорт, без охранения, в очень удачном ракурсе. И это в тот момент, когда мы находились во вражеских водах, в пределах досягаемости базовой авиации, имея в батарее едва треть заряда! То есть успешно уклоняться долгое время от весьма возможного преследования мы под водой не могли!

Потому я вынужден был отказаться от атаки. И имел неприятный разговор с Сапожниковым – с трудом сумев ему объяснить, что не стоит сейчас рисковать нашими жизнями ради возможности отыгаться после. Русский явно остался недоволен и, очевидно, по возвращении напишет на меня донос. Надеюсь, судьба еще пошлет случай оправдаться!

Случай представился на следующий день. Какой-то каботажный пароходик, тонн на девятьсот, ползущий вдоль берега на север. Но в военное время не бывает гражданских судов – напротив, законы тотальной войны говорят, что все, что нужно для выживания вражеской нации, тем самым имеет военное значение! Потому я дал приказ атаковать – и японцы, очевидно, даже не заметили торпед, ведь электрическая G7e не дает следа, а акустики на этом корыте быть не могло! Попал хорошо, пароход быстро затонул, шлюпки спустить не успели. А то

можно было бы попрактиковаться в артиллерийской стрельбе, – но русские отчего-то к такому относятся неодобрительно!

В сумерках мы заметили еще одно судно, с похожим силуэтом, идущее тем же курсом. Мы успели полностью зарядить батарею, за спиной было открытое море, а значит, свобода маневра, – и я заявил Сапожникову, что «сейчас он увидит истинно атлантический класс». Где те «жирные годы», когда мы легко набивали себе счет в десятки единиц и сотни тысяч тоннажа, почти не подвергая себя риску? Тактика была именно такой – в темноте сближались с конвоем, благо охранение почти или полностью отсутствовало, и стреляли торпедами из надводного положения, с минимальной дистанции (на некоторых U-ботах даже арматура для погружения успевала заржаветь – за весь поход не ныряли совсем!). Сейчас же я хотел, в извинение досадного эпизода в Снгарском проливе, показать русскому гостю германское искусство подводной войны, потому стрелял всеми четырьмя, растворив «веер». Торпеды уже ушли – и тут добыча вдруг освещает нас прожектором и резко поворачивает в нашу сторону, и открывает огонь не менее чем из 12-сантиметрового калибра! Это был не транспорт, а противолодочный корабль, тип D – класс, аналогичный нашим миноносцам!

Это было чудо, что в нас не попали! У меня руки дрожат, как я о том вспоминаю – дистанция была кабельтовых шесть, а то и меньше! Срочное погружение, – но пока мы толклись у люка, а один из японских снарядов разорвался так близко, что до нас даже брызги долетели, какой-то из наших «угрей» все же нашел цель! А для корабля в восемьсот-девятьсот тонн этого более чем достаточно. Так что я приказал отставить погружение, хотя палубу уже заливала вода – продуть цистерны и приготовить к бою все наши пушки, и ахт-ахт перед рубкой, и оба эрликона. Сейчас эти желтомордые расплатятся сполна за наш страх!

Русский высказал мнение: ваше право, герр Байрфилд, но простите, в кого вы собираетесь стрелять? Если там и остались выжившие, плавают в спасжилетах или на плотиках, вы на них будете ценный боезапас тратить? И что еще важнее, привлекать внимание еще кого-то, столь же опасного – хотя в Германии, кажется, не охотятся на глухарей на току? Конечно, живую силу врага следует уничтожать, чтобы эти спасенные завтра не ступили на палубу другого корабля, – но можно поступить гораздо эффективнее. До берега не так далеко, и там вполне могли видеть или слышать взрыв. А мы посмотрим, кто поспешит спасти тонущих! Кстати, долго они не продержатся, хотя и лето, но вода довольно холодная.

Мне трудно было возразить против такой, скорее даже немецкой, чем русской, рассудительности. Сапожников же после сказал, что слышал о подобном приеме от своего друга, офицера морской пехоты, бывшего на обучении у самого Смоленцева: «ранить, чтобы обездвижить, одного врага, на открытом месте, а затем выбивать тех, кто попытается его вытащить». И что Смоленцев в оправдание такого цитировал Сунь-Цзы: «а на войне одна победа лишь важна, победа все простит, война на то война».

– То есть для вас нет никаких правил ведения войны?!

– Герр Байрфилд, а ваши задумывались о том в сорок первом? Что до нас, то Смоленцев говорил со слов моего друга – запрещено мирняк укладывать штабелями. А против врага при оружии – дозволено всё.

Мы ждали в том районе до утра, лишь отойдя чуть мористее. Но никто так и не появился – у этих япошек совершенно нет орднунга! Они, кажется, даже не заметили, что пропал их сторожевой корабль, так и оставили своих моряков погибать! Дикари.

И все же нам довелось пострелять из пушек – когда еще через два дня, двигаясь на север, мы встретили три рыбацких судна. Скорее, это были даже мотоботы, тратить на них торпеду было непозволительным мотовством. В то же время было ясно, что эти рыбаки, способствуя прокормлению японской нации и армии, помогают ведению войны. Потому мы всплыли и открыли огонь с дистанции семь, а под конец и меньше трех кабельтовых, потратив два десятка 8,8-см снарядов и с сотню патронов к «Флакам». Итого на счету нашей U-214 уже шесть штук потопленных! Надеюсь, русские зачтут нам этот эпизод тремя самостоятельными победами? Кажется, там, в волнах, барахталось несколько человек, – но мы, в хорошем настроении, не стали их добивать. Равно как и брать на борт – у нас не было переводчика с японского, да и какие военные сведения могли сообщить рыбаки?

Нет, мы не были ни героями, ни палачами-садистами. А всего лишь обычными работниками войны. Добровольно подрядившимися на эту войну, как когда-то шли в ландскнехты, причем не считалось зазорным служить в армии иного государства, но именно потому совсем не горящими желанием отдать жизни за чужое Отечество. А лишь честно отслужить, исполнив свой долг, и вернуться домой с честно заработанным. Лично мне, как я уже сказал, была обещана карьера во флоте новой Германии. И если ради того следовало умереть какому-

то числу япошек – что ж, желтомордые, вам не повезло!

Формально мы выполнили задание – выставив мины в указанном районе. И у нас осталось всего восемь торпед (на два неполных залпа носовыми, если учесть, что одна торпеда заряжена в кормовой аппарат). Так что мы неспешно ползли к русскому Петропавловску, когда 21 июня получили радиогранму – оповещение по флоту. Тут, в Охотском море, готово было развернуться настоящее сражение, с участием половины японского флота! И мы, войдя в оперативную зону Северо-Тихоокеанской флотилии, оказались тоже включены в план развертывания русских сил!

Потопить линкор или авианосец это, конечно, славное дело. Но какие шансы при этом остаться живым? Однако и уклониться было бы неправильно. Так что мы заняли указанную позицию возле одного из Курильских островов. И с философским спокойствием слушали сообщения, как где-то к югу от нас идет битва. К чести русских, они нам обеспечили чистое небо, не надо было бояться японской авиации, – а русским самолетам было запрещено атаковать любые подводные лодки без особого приказа.

Вечером 22 июня мы получили приказ. Японская эскадра, по данным авиаразведки, идет прямо на нашу позицию. Атаковать врага, нанести ему максимальный ущерб! И как сказал Сапожников, лишь во вторую очередь думать о собственном выживании. Если вы, герр Байрфилд, сейчас в составе советского флота, то будьте добры воевать по-русски!

Хотя, а чем я хуже Прина, потопившего линкор «Роял Оук»? Тем более что гидролокаторы у японцев уступают английским. Так отчего бы и не рискнуть?

А дальше – нам просто невероятно повезло! Штурман просто идеально вывел лодку, точно по курсу японцев, обнаруженных акустикой (вы не представляете, какой шум от винтов эскадры больших кораблей, идущих полным ходом!). И мы вовремя погрузились, пропустив над собой эсминцы головного дозора. Одна цель сильно выделялась среди прочих. U-214, оказавшись в выгодной позиции, дистанция 14 кабельтовых, выпустила полный залп. А дальше было просто везение нам и невезение япошкам (как и британцам, когда их линкор «Бархэм» взорвался от единственной попавшей торпеды), четыре наши «рыбки» веером, все с неконтактными взрывателями, расчет был, что линкору с проломленным днищем будет точно не до сражения, лишь бы до базы доползти. При растворе веера попала всего одна торпеда. Под артиллерийский погреб кормовых башен.

И взрыв был такой, что даже нашу лодку, успевшую уйти вниз на сто метров, ощутимо потрянуло!

Так вот и стал я, корветтен-капитан Байрфилд, первым и пока единственным подводником флота ГДР, кто потопил вражеский линкор. И был за это награжден русским орденом Ушакова 2-й степени – по статуту, «за успешные действия при бое в море с численно превосходящим противником, приведшие к уничтожению значительных его сил». Мои офицеры, Гербер и Шмуйке, получили по ордену «Красной Звезды», ну а прочий экипаж, поголовно – медаль «За победу над Японией».

Хотя не все русские, как мне показалось, считали это подвигом? Когда уже был заключен мир, мне довелось свести знакомство с русским майором морской пехоты, откликавшимся на странное прозвище «Скунс». Кажется, мы крепко тогда выпили, как нередко бывает с подводниками на берегу, – и я рассказал русскому о всех подробностях того похода, и что я при этом думал. Он слушал внимательно, а затем взял гитару и вполне приличным голосом спел песню, которую я прежде никогда не слышал. Про «тех, кто не вышел в первые ряды, – но не были и сзади, и горды, что честно воевали в середине». Я так и не понял, осуждает он это или оправдывает – я еще не настолько хорошо знал русский язык, чтобы различать смысловые тонкости.

Такэмацу Такэо, сторож японского консульства в Петропавловске-Камчатском (и по совместительству резидент японской военно-морской разведки)

Что такое утонченная месть по-японски? Изысканно беседуя, вежливо пригласить побежденного врага к обеду. А на поданных блюдах – отрезанные головы его бывших сподвижников и друзей. И жены, и детей – всего рода.

Подобное чувство испытал Такэо в тот проклятый день. Когда его извлекли из камеры в подвале НКВД – куда его и прочих сотрудников консульства поместили в порядке не ареста, а интернирования, и ради вашей же безопасности, «а вдруг Петропавловск завтра ваши соотечественники будут бомбить». Его не били, не пытали, даже не допрашивали, и совсем неплохо кормили, но не выпускали и на прогулку во двор! А ведь даже СССР и Германия в июне сорок первого возвратили свои посольства через нейтралов!

И вот 30 июня его вдруг забрали из тюрьмы. До того сводили в баню и к парикмахеру, выдали чистую и отглаженную одежду. И что самое невероятное, вернули фотоаппарат, изъятый при обыске.

– Вы будете снимать то, что сейчас произойдет, – сказал офицер русской контрразведки, – это должны видеть в Японии.

На улицах Петропавловска было необычнолюдно. Причем русские солдаты были в полном вооружении, а в одном месте Такэо увидел даже танки. И какой-то шум слышался со стороны порта, невидимого отсюда. Он приближался, и кто-то крикнул: «Идут!»

По улице, окруженные цепью русских солдат, шли японские матросы. Впереди офицеры – и адмирал Одзава Дзисабуро. Такэо не был с ним знаком, но не раз видел его фотографию. Значит, нет больше Императорского Флота? Проклятые гайдзины – даже мы, сорок лет назад, не водили вашего Рождественского по Токио, как зверя напоказ!

– Это еще не все, а лишь имеющие товарный вид, – сказал русский офицер, – мы не настолько жестоки, чтобы гнать в строй покалеченных, раненых и обожженных. Но тысяча голов – тут, налицо! Это все, что осталось от вашей Северной эскадры – мы же не потеряли ни одного корабля. Но снимайте, пусть в Японии тоже увидят, как ваши военные все же прошли по нашей советской земле. И так будет с каждым, кто на эту землю посягнет!

Такэо сделал несколько снимков. Хотя понимал, что этим неудачникам лучше быть сейчас мертвыми, чем живыми. И уж конечно, не подвергать позору свои семьи. Но чисто профессиональное любопытство разведчика взяло верх. Тем более что и с русской стороны присутствовали фотографы, и даже кинооператор.

А злосчастному адмиралу не позавидуешь! Все его заслуги перед Японией оказались перечеркнуты полнейшей потерей лица – и даже сеппуку не смоем этот позор!

Адмирал Одзава Дзисабуро

Умирать во имя чести и долга самурая – легко. Жить оказалось куда страшнее!

Ему повезло выжить при взрыве флагмана. И даже организованно спуститься со своим штабом на катер, как положено, захватив портрет императора – до того, как «Исе» скрылся под водой. И перейти на борт «Исудзу» – все, что осталось от Северного соединения, легкий крейсер и несколько миноносцев! Чтобы приказать продолжить поход – ясно, что русский подводный демон нас не выпустит, так что хоть погибнем с честью, нанеся северным варварам хоть какой-то урон! Остров Уруп, где армия истекает кровью, обороняясь от наступающих гайдзинов, был совсем рядом, в сорока милях. Можно уничтожить русскую десантную флотилию – а еще, поскольку это ближайшая земля, находящаяся пока еще под японским контролем, спасти своих людей, кому посчастливится выжить! Если не удалось сохранить флот, – но стране Ямато нужны будут и обученные моряки!

Чуть меньше двух часов хода, считая, что эскортники могли развить лишь 25 узлов. И полчаса до рассвета.

А когда взошло солнце, с запада появились самолеты – сотня, две сотни! И это был конец.

Еще через полчаса «Исудзу» был горячей развалиной, медленно погружающейся в море – даже удивительно, что легкий крейсер выдержал два близких разрыва очень больших бомб и четыре прямых попадания четвертьтоннок с пикирования. И лишь четыре миноносца оставались на плаву, с разной степенью повреждений. И только один, «Маки», сохранил возможность выйти в торпедную атаку, когда на горизонте показался противник, опознанный как тяжелый крейсер «Шеер» (у русских «Диксон»), и еще два эсминца с ним, но это было уже неважно.

И все было, как должно – японские корабли не могли ни уклониться от боя, ни выдержать его. «Маки» был расстрелян и затонул, успев напоследок дать торпедный залп куда-то в направлении – ни в кого не попав. Затем русские начали 280-мм снарядами рвать на куски «Исудзу», способный отвечать лишь из двух палубных орудий, причем на японском крейсере не осталось уже ни одного дальномёра и была выбита система управления огнем. А оставшиеся три миноносца, до предела избитые, даже не могли стрелять. Одзава хотел остаться на тонущем корабле до самого конца, вышел из рубки на мостик, в надежде, что очередной снаряд подарит ему смерть с бою. Но боги отвернулись – или оказали то, что у русских называется медвежьей услугой. Вспышка, взрыв – и адмирал

очнулся уже на плотике, среди верных, но глупых матросов, не знавших правила самураев, «есть время жить, и время умирать». Лучше бы они оставили его тело на мостике, – а теперь ему пришлось испытать позор плена. И не было даже меча, чтобы поступить, как положено самураю!

Русские были с ним почтительны до издевки. Оказали медицинскую помощь. Но потребовали, чтобы он тоже исполнил свой долг до конца.

– По вашему, как и нашему Уставу, даже после гибели корабля сохраняется вся власть начальствующих лиц над подчиненными, пока вышестоящий штаб не издаст приказ о расформировании экипажа. Оттого вы можете сделать для своих людей последнее благое дело. Привести их к месту, где они будут пребывать до окончания войны, уже скорого – ведь у Японии больше не осталось флота, Южное соединение тоже полностью уничтожено!

– Что будет, если я откажусь? – спросил Одзава.

– Для вас, ничего, – ответил русский, – но для ваших людей это, безусловно, отдалит время возвращения домой. А то и поставит саму возможность этого под сомнение.

– Вы их всех убьете?

– Зачем? – усмехнулся русский. – Просто не факт, что им будет куда возвращаться. Что останется существовать прежнее японское государство. А что станет вместо него – зависит лишь от вас.

Смысл этих слов адмирал не понял. Но уяснил, что страна Ямато находится в огромной опасности, раз гайдзины замыслили посягнуть на самые основы ее существования. И чтобы Япония осталась жить, ей потребуются люди, способные за нее сражаться. А проигранная война – это просто как еще одно землетрясение, тайфун или большая волна: после них, рано или поздно, все налаживается по-прежнему. Если будет кому восстанавливать разрушенное.

Ну а он, адмирал Одзава Дзисабуро, совершит сеппуку, как только ему будет дозволено взять в руки меч.

И еще – самураю недостойно лгать? Но что есть ложь – это ведь когда ты уверен, что было не так? А адмирал вполне искренне допускал, что морской демон, русский Полярный Ужас, существует и имеет самое прямое отношение к гибели его флота. Ведь проиграть столь страшному врагу, по своим возможностям близкому к «неодолимой силе», с которой ни один японец воевать не возьмется – куда менее позорно, чем просто северным варварам!

А значит, адмирал засвидетельствует перед каким угодно судом – я потерпел поражение от русского Ужаса, того самого, что сожрал два немецких флота. И любой другой на моем месте – также был бы разбит!

Жизнь ему это не спасет. Но честь – меньше пострадает!

Капитан 2-го ранга Шабалин.

Японское море, ночь на 23 июня 1945 года

«Москитный флот» – только для москитных укусов?

В СССР он создавался под преувеличенным влиянием одного боевого эпизода, атаки английских торпедных катеров на Кронштадт в 1919 году. Ну и конечно, экономика – катера обходились казне на порядок дешевле эсминцев, а теоретически могли потопить линкор! Правда, случилось это всего однажды за две мировые войны – когда дредноут «Сент Иштван» был потоплен итальянским катером в Адриатическом море, летом 1918 года (сами итальянцы числят в своих победах целых три линкора, но считать таковым старый броненосец береговой обороны «Вена» как-то неприлично, а «Вирибус Уинис» был взорван в базе Пола 31 октября 1918 года уже после капитуляции австро-венгерского флота, спуска флагов и формальной передачи кораблей югославам). Ну а в эту войну две сотни катеров катеров Г-5, построенных в расчете на появление британского флота перед Кронштадтом или итальянского у Севастополя, в эту войну занимались в основном дозорной службой и охранением конвоев – причем были пригодны для того еще меньше, чем «мошки», катера-охотники МО-4. Больше повезло североморцам, поскольку порт Петсамо, конечный пункт назначения немецких конвоев, находился вполне в пределах досягаемости, да и полярная ночь помогала, и катера на севере были другие, не туполевские «поплавки», а Д-3 и ленд-лизские. Но и там с осени сорок третьего, как Нарвик взяли, торпедники

практически не имели боевых эпизодов.

Главной проблемой был малый радиус действия катеров. И трудность своевременного обнаружения цели. Особенно ночью – при том, что дневные торпедные атаки с большим успехом брала себе авиация. Которая, в отличие от прошлой войны, сама представляла для катеров большую опасность. Так что и катера других воюющих сторон тоже не отметились громкими победами (за исключением, как ни странно, итальянцев – на счету которых британский крейсер «Манчестер» и несколько транспортов, потопленных вблизи Мальты в сорок втором). Потому, английские и американские торпедные катера конца войны стали «прибрежными канонерками», вооруженными 40-мм и даже 57-мм автоматическими пушками, чтобы выметать с моря вражескую мелочь. Ну а японские торпедные катера, также построенные в количестве нескольких сотен, за всю войну не имели ни единой победы!

Александр Шабалин начинал войну старлеем, на СФ, имеющем тогда всего два катера Д-3. Получил Героя не за лихие торпедные атаки, а за прорыв в Петсамо, с первым эшелоном десанта. Хотя были и потопленные фрицевские транспорта, и на удивление лихое дело, набег на Нарвик в апреле сорок третьего. И командовал той операцией Лазарев – который сейчас комфлота здесь, на Дальнем Востоке. Этот факт добавлял уверенности, что справимся, – а еще память об учениях, совсем недавних, в последние здесь мирные дни. Отчего всех этих штук не было на западе, в воевавших флотах?

Про «водяные ухабы» от товарищей-балтийцев слышаны, что в тихую погоду волны, идущие от форштевня корабля, можно ощутить на приличном удалении, катер ощутимо качнет. И придумали, значит, товарищи ученые, хитрый прибор, который эти ухабы замечает и каждый раз перекладывает рули торпеды, неотвратно идущей по синусоиде к корме цели (если правильно выставить, куда отворачивать в первый раз). Особисты подписками застращали, техника особо секретная, с самим принципом ее ознакомили лишь командиров катеров, которые обязаны были не разглашать ее даже личному составу! Им виднее – вот только плохо, что торпеды калибра 53 самые обычные, с дальностью хода на первом скоростном режиме чуть больше двух миль на 44 узлах (выставив меньшую скорость, по эсминцу и не попадешь, сумеет от торпеды уйти). А так как синусоида ощутимо длиннее прямой, то и стрелять приходилось накоротке – неделю назад в этих же водах с японскими эсминцами уже бодались, днем, хоть и в туман, так три катера потеряли – правда, на боевом курсе погиб со всем экипажем лишь один, а еще два уже после до базы не дотянули, и людей с них

успели снять. Зато самураев потопили всех, – но все же не будь у нас дальнбойных, еще неизвестно, какие бы были потери!

Любопытно, это наша разведка постаралась, добыв секрет японских «длинных копий» (ТТД которых нас заставляли наизусть заучивать), или конструкторы сами оказались на высоте? Хотя какая разница – если вспомнить, то и торпеды 53–38, 53–39, основные наши в эту войну, это итальянские «фиуме»! А итальянцы хотя и неважные вояки, но как кораблестроители и оружейники вполне на уровне – могло быть и совместное творчество, с тех пор как Народная Италия стала нашим союзником. Но не будем в «низкопоклонство перед Западом» впадать, тем более что и сами с усами – если ни у кого другого самонаводящихся кислородных торпед нет! Правда, мало их – как нам сказали, каждая «65СН» стоит как десять обычных, и ради вас, товарищи тихоокеанцы, пришлось все прочие флоты на голодный паек посадить, туда новые торпеды сейчас вообще не поступают! Но для единственного воющего ТОФ ничего не жалко – если еще в том бою с эсминцами половина катеров имела в аппаратах прямоходные болванки, то сейчас, когда в море вся 1-я (Владивостокская) бригада, все исправные катера, тридцать семь единиц в трех отрядах – «умные» торпеды у всех! Причем восемь катеров «тяжелые», с аппаратами под 65-е! Правда, в этом варианте запасной пары торпед уже нет.

А ведь Шабалин сначала должен был быть во 2-й (Камчатской) бригаде, где и матчасть знакома, те же американские «элко» и «восперы». Но сначала вышел приказ, во Владивостоке принять пополнение, привезенные с запада «шнелльботы», а затем их набралось столько, что решено было организовать бригаду на «немцах», причем личный состав в подавляющем большинстве с воющих флотов, отчего-то не доверял Лазарев местным, считал гораздо ниже уровнем, чем североморцы? Хотя надо признать, что и тактика предписывалась совсем другая, исходя из особенностей матчасти. Г-5 были «спринтерами» в чистом виде, Д-3 и ленд-лизские были покрупнее и, отчасти, их недостатков лишены, но суть осталась той же. Реданные глиссеры имеют отличные скоростные характеристики, но лишь в тихую погоду, а при волнении в два-три балла у них уже серьезные проблемы. А «немцы» с обычными корпусами, довольно полных обводов, были (по паспорту) не так резвы, зато отлично держались на волне, вкпе с большими размерами, внушительным запасом топлива и экономичными дизелями, вместо авиамогоров, то есть были по существу не катерами, а малыми миноносцами, вполне пригодными для дальних рейдов. Уже не «спринтеры», а для «средней дистанции».

И это было не всё. Когда немцы, еще в прошлую войну, попытались управлять с берега отрядами эсминцев в ночном набеге на англичан в Ла-Манше, то затея эта провалилась с треском и большими потерями – нельзя было в штабе, в реальном времени, точно знать положение даже своих сил, не то что противника – чтобы отдавать адекватные приказы! Но сейчас флаг-штурман, принимая сигнал радиомаяка у Владивостока и второго, только что поставленного в Маоке на Сахалине, лишь взглянет в таблицу, «пеленг один, пеленг два», и на пересечении, номер квадрата по карте. И хотя не видно в ночи, – но летает где-то в небе наш разведчик с радаром, включенный в нашу радиосеть, дает нам координаты японской эскадры. Да, наслышаны мы про тихоокеанские баталии, вроде битвы за Гуодаканал, теперь тоже поучаствовать хотим, за государственные интересы СССР и безопасность его границ.

Сколько возни было с освоением новой техники! Радио это вообще вещь очень капризная, а «радиоэлектроника» (новое словечко) так вдвойне! Вибрации боится, ударов и толчков и, конечно, соленой воды, а «немцы» на воде сидят низко, в волну даже рубку забрызгивает и антенны, мы-то привычные, после северных штормов, а контакты замыкает! Хорошо, люди воевавшие все, усвоившие, что за раздолбайство платят кровью, – в голову не придет, на теплой аппаратуре мокрые портянки сушить. Но все равно даже на учениях еще до войны, на одном-двух катерах обязательно локатор в море сдыхал, после на берегу приходилось разбираться. А это очень плохо – поскольку радары пока лишь на командирских катерах, от звена и выше. И при большом числе катеров в море (нет подобного опыта реальных боевых действий советского флота, что на Севере, что на Балтике, там по максимуму одновременно в бой шло полтора десятка катеров), управлять ими можно лишь по иерархии: четыре катера – звено, три звена – дивизион.

«Антирадаров», что пассивных, обнаруживающих наши РЛС, что активных, ставящих помехи, у японцев нет, это хорошо. И кружит над японской эскадрой наш разведчик, Хе-277 с локатором, аки ворон, вестник смерти. Нам координаты сообщает, курс и скорость врага, скоро уже мы на локаторах его увидим! Хотя должны бы уже – флаг-штурман, место уточнить? И есть еще один способ, также на учениях отработанный, прояснить наше место относительно японцев. Запрос по радио – и в условленное время загорается над вражеской эскадрой маленькое солнышко, САБ на парашюте. А у нас сигнальщики горизонт оглядывают, где огонь блеснет. Ну вот, заметили, штурман на карте поправки наносит.

И раскидываем «невод». Курс японцев известен – чтобы третий дивизион оказался у них на правом фланге, севернее. Второй дивизион – на левом, южнее. Ну а первый – прямо на курсе. Как мешок раскрытый, и самураи сами сейчас в него влетят. Заметить катера в оптику, ночью, с двух-трех миль – никак нельзя. Тут нас скорее акустикой услышат, ох и шум от дизелей Даймлер-Бенц, по две с полтиной тысячи лошадок, на каждом катере по три штуки, в моторном отсеке вахта в танкистских шлемах работает, с заткнутыми ушами, жестами объясняясь! И это еще не предел, вот на ТКА-172 и ТКА-176 стоят моторы не MB-511, как на всех прочих, а MB-518, аж в три тысячи мощности на каждом, безреданный стотонник разгоняют до 43 узлов, но капризные, сволочи, личный состав БЧ-5 вместе с бригадным флагмехом с ними мучаются и плачут горячими слезами, чтобы заставить нормально работать! И сами немецкие «камрады» лишь руками разводят, а что вы хотите, это новейшая разработка, образец 1944 года, еще не довели, для того и поставили, чтобы опыт шел... вот он и идет, после каждого выхода в море, переборка моторов на всех «сто семидесятих», сейчас вот три катера в базе остались, занятые этой муторной процедурой. Но мы шуметь не будем, малым ходом, помаленьку, позицию корректируем. Вот, идут, сволота – наслушались мы уже, что тут самураи на море вытворяли, наших погранцов и рыбаков ни в грош не ставили, как пираты! Просто оттого, что у вас флот большой и сильный – ну так это мы сейчас поправим!

Ну вот, влезают в мешок. Завеса из шести эсминцев, впереди и по флангам, за ними четыре больших корабля, две кильватерные колонны по двое, одна чуть впереди другой. От нас, дивизиона-1, до головных эсминцев меньше двух миль! По плану, дивизион-2, начали! Поскольку стандартный метод уклонения от торпедной атаки, что лодок, что катеров, это полным ходом, приводить торпеды за корму. То есть отвернуть японцы должны прямо на дивизион-3, который южнее, и нам, дивизиону-1, подставляя борта! Потому «тяжелые» катера с 65-ми разбиты позвенно, в первом и втором – а третьему придется накоротке работать, он обойдется и так.

Японцы среагировали на удивление быстро и четко. Правофланговая тройка эсминцев отвернула навстречу атакующим катерам! А левофланговая начала выдвигаться на их место. И ничего не могли самураи видеть на радарх, наши летуны обещали максимальный уровень помех, – но тактика ночного боя в японском флоте отработывалась до совершенства. Залп осветительными снарядами (у японцев, специально имеющих тот же вес и баллистику, что и обычные, – не надо тратить бесценные секунды, чтобы изменить прицел), обнаружить цели, и сразу огонь на поражение! Вот только не разобрались япошки в первую минуту, что имеют дело не с одним дивизионом, а с тремя,

атакующими почти одновременно с разных сторон!

Хуже всего пришлось первым трем эсминцам, подставившим борта (и кильватерные следы) под торпеды дивизиона-1. Коршун-2, прорывайтесь к ядру, не тратьте на этих торпеды! Кто-то все же успел отстреляться, – а шесть или семь катеров второго дивизиона, услышав приказ, рванули на юг, сквозь японский огонь. В то же время и вторая тройка эсминцев обнаружила и первый дивизион у себя прямо по курсу, и третий, за кормой, идущий на линкор и крейсера, – отвернувшие влево, на юг, как и ожидалось. Нет, уходит лишь одна пара, а два крейсера идут на нас!

Кто-то из катеров взорвался от прямого попадания, двое горят. Но нет в бою страха, лишь азарт и расчет – не одним же вам, самураи, по грани ходить, мы тоже можем! Первая тройка эсминцев выбита вся, кто-то, судя по взрыву, 65-ю словил, два других тоже не жильцы, сейчас утонут! Не отвечает Коршун-2, командир второго дивизиона. Горит и кренится эсминец из «южной» группы. И крейсер получил наконец торпеду – от этой самки собаки было больше всего потерь, после боя оказалось, что ТКА-166 после прямого попадания 127-мм снарядом с эсминца на плаву остался и даже ползти мог кое-как, на одном моторе – но калибр 203-мм для катера однозначно смертелен! Японцы бегут, пытаются оторваться – ну нет, так дешево не отделаетесь! Тонет еще один эсминец, разорванный сразу двумя торпедами. Второй крейсер теряет ход, бешено огрызается, и даже успевает кого-то подбить – и получает последовательно шесть торпед, быстро тонет.

У нас не хватает пяти катеров! Правда, ТКА-162, за ним и ТКА-169, после объявились, в целости и с неистраченными торпедами – умудрившись при развертывании отбиться от своих и оказаться сильно в стороне от боя. Что ж, в лучшем случае их командиры и экипажи получают от товарищей репутацию «сачки», а в худшем, будет разбираться трибунал. И еще девять докладывают о серьезных повреждениях, с горящего ТКА-148 надо немедленно снимать экипаж, ТКА-151 придется вести на буксире, ТКА-153 и 155 говорят, что до дома не дотянут, а там командиры с опытом, панику разводить не станут. А мелкие повреждения и потери в экипажах почти у всех. Но мы выиграли бой – японцы потеряли два крейсера, пять эсминцев! На чей счет конкретно – а какая разница? В свалке ночного боя было трудно разобрать. Возможно, что часть торпед утонула – как водится для новой техники, никак не могли обеспечить стопроцентной надежности, это обнаружилось еще на учениях в апреле-мае. Но даже если часть выпущенных торпед не сработала, как надо, – остальные

обеспечили эффект за всех!

И плоты болтаются по всему морю, и тела в спасжилетах. В большинстве японцы, – но надо и наших поискать. Этим и занимаемся – те, кто меньше пострадали в бою. С одного из плотов начали стрелять – заткнулись, получив в ответ из эрликонов и ДШК. Живыми нашли шестерых с погибшего ТКА-160 и двоих с ТКА-167. Затем поредевшая бригада взяла курс на Посъет, оставив на месте боя «штрафников» 162-й и 169-й, продолжить поиски с рассветом. Им удалось найти еще пятерых из экипажей погибших катеров. Но не было никого с ТКА-159, комдива-2, капитан-лейтенанта Демина – попавшего под залп японского крейсера, как сказали видевшие это с ТКА-157. Зато наловили пленных японцев – столько, что как заявил командир ТКА-162, «было даже опасение, что они нас попробуют захватить», так что самураев плотно запихивали в кубрик, как в бочку сельдей, заперли дверь и поставили караул с автоматами и гранатами.

И, как было записано в боевом донесении, достигнуто повреждение линкора «Ямато». Никто не видел попадания торпеды, но была перехвачена и расшифрована японская радиogramма. И воздушный разведчик подтвердил, что ход у японской эскадры стал недопустимо мал, для набеговой операции у вражеского берега!

Подводная лодка М-3.

Японское море, ночь на 23 июня 1945 года

За что новый комфлота так невзлюбил коренных тихоокеанцев?

А ведь когда-то мы были здесь первыми! Вся серия строилась на Черном море, в Николаеве, там же испытывалась, затем лодки по железной дороге перевозились в состав «Морских сил Дальнего Востока», тогда даже не ТОФ, это название появилось лишь в 1935 году. Корабли, спроектированные с коммунистическим энтузиазмом, за рекордное время, и так же быстро построенные, от закладки головной лодки до подъема флага на последней в серии из тридцати единиц меньше двух лет прошло! Впервые в СССР лодки были полностью сварными (на самых первых еще клепка ограничено применялась), все механизмы и вооружение были исключительно советского производства, и

это на семнадцатом году после социалистической революции! На Дальнем Востоке уже было неспокойно, японский милитаризм захватил Маньчжурию, звенел оружием на наших границах, – и, наверное, сразу тридцать подлодок в составе нашего флота были как отрезвляющий душ для самурайских мечтаний, «и Приморье, и Забайкалье, и всю Сибирь»? Может, это тоже было на весах, когда японцы решили напасть не на нас, а на Китай, добычу полегче – и не посмели своему союзнику Гитлеру помочь, наплевав на пакт с ним?

Затем уже к этим тридцати лодкам присоединились и более крупные «щуки» и «ленинцы». А вот обещанные подводные крейсера К, которым уже установленная нумерация была присвоена, начиная с К-51 для ТОФ, так сюда и не попали[12 - По плану, собирались построить 100 больших ПЛ тип К. 20 для СФ (с К-1 по К-20), 20 для КБФ (с К-21 по К-40), 10 для ЧФ (с К-41 по К-50) и 50 для ТОФ, с К-51 по К-100.]. В войну было не до Тихого океана, наоборот, отсюда забирали и людей, и корабли. Так что «малютки» первой серии несли свою незаметную службу.

Они считались «прибрежными» лодками, несущими дозор у своих берегов. Ну и конечно, «школьными партами» для личного состава. Годными к чему-то еще, их и Юмашев не считал, не то что новый комфлота, но при Лазареве это стало особенно заметно, какое внимание уделялось «варягам» с запада, ну еще «ленинцам», большим подводным минзагам – и какое – всем прочим. И если «щук» еще пытались привести к общему виду, то на «малышей» просто махнули рукой, заниматься ими не находилось ни времени, ни ресурсов. «Щукари» даже завидовали – нас тут дрючат так, что только стружка летит, а про вас забыли, а, между прочим, сроки выслуги и денежное довольствие вам тоже идут по военным нормам, счастливы, так и просачкуете в тылу до победы!

В общем-то, так и получалось. Как сказал комфлота, «во Владивостоке вы нафиг не нужны, лишь под ногами путаетесь» – после того, как еще в мирное время, М-12, возвращаясь в базу, едва не попала под таран крейсера «Каганович». Так что дивизион «малюток» при первой возможности выпихнули в Посьет, ставший передовой базой флота – вместе с торпедниками и ОВРом. Лодки выходили на позиции оборонительной завесы – и с началом войны не изменилось абсолютно ничего, даже атаковать обнаруженные цели запрещалось, как прежде, еще не дай бог, своих по ошибке потопите. Только завеса теперь протягивалась вдоль берегов Кореи.

М-3 вообще и не должна там быть – планировали послать М-61, тоже «малютку», но более поздней, XII серии. Но у той в последний момент обнаружилась неисправность, и выпихнули М-3, оказавшуюся под рукой. Побудьте там, и возвращайтесь, галочку в журнале отметим.

Последним штрихом стала ошибка штурмана, из-за которой лодка оказалась гораздо дальше в море от назначенной ей позиции. Что обнаружили лишь ночью, уточнив секстаном по звездам. Командир, старший лейтенант Добрушев, отнесся к этому философски, приказав лечь на курс восток, параллельно с зарядкой батареи, «а в журнал координаты не заносить». Поход казался рутинным, «а служба идет». Как в мирное время.

И тут приняли оповещение по флоту – японское линейное соединение обнаружено в квадрате... по всему выходит, могут выскочить прямо на нас! И лучше бы убраться подальше – какой эскорт может быть у линкоров, легко представить! А «малютки» первых серий имели врожденный недостаток: не могли стрелять торпедами из-под перископа, оставаясь незамеченными, их на поверхность выкидывало, показывая не только рубку, но и носовую оконечность! Правда, обнаружено было опытным путем, что этого можно было избежать, если за несколько секунд до залпа открыть кингстон средней цистерны, «поставить на подушку», в момент залпа открыть вентиляцию, быстро заполнив цистерну – и сразу же ее продуть, но не полностью, чтобы на поверхность не вылетел пузырь. Все это мало того что требовало идеальной слаженности экипажа, так еще и командиру в момент атаки надо было не упускать, что там трюмные делают. Так что даже на учениях этот цирковой номер выходил далеко не всегда.

А что будет с лодкой, показавшей свое место перед дивизионом эсминцев? Тем более что на М-3 и цистерны быстрого погружения не было, она появилась лишь на следующей модификации, VI-бис? И скорость полного подводного хода, на разряд батареи – всего пять узлов, когда говорят, что у североморских «белых акул» экономичная, она же подкрадывания, шесть! Предельная глубина погружения теоретически считается полсотни метров, но у М-8 было, что на сорока двух забортным давлением разорвало арматуру, вода пошла в отсек, чудом спастись сумели – после чего приказом было запрещено глубже тридцати погружаться! А у поверхности даже плохие японские сонары нас легко увидят – и конец!

Так что убираемся, пока целы, – это не трусость, а разумная осторожность. Другое дело, что скорость под дизелем у нас даже в молодости была едва в 13 узлов, – а сейчас, считая износ механизмов, и до одиннадцати не дотягиваем. Потому бежим не спеша – к утру будем.

Не убежали – большие корабли по пеленгу 15, быстро идут прямо на нас. Пока еще не заметили, ночь все же, а лодка-«малютка» не линкор. Есть еще время погрузиться и пропустить японцев над собой – идут большим ходом, противолодочный поиск не едут. А после – это тоже в журнал не заносить? Как у фрицев – которые вахтенные документы набело на берегу заполняли, по принципу – «чего начальство изволит»[13 - Исторический факт.].

И если самураи так спешат куда-то – значит, для них это важно? Линкор и крейсера – ведь таких дел могут наворотить! Как на Сахалине было – едва нам разгрузку не сорвали, тылы не перетопили. Но там крейсер один был, и битый, – а тут двух вижу, сколько их там еще? И неповрежденные, судя по ходу!

Так что – долг выполним до конца. А там, двум смертям не бывать! Хотя песчинку в их планы подсыплем.

Вот только – будет трудно. И время погружения у нас полторы минуты (поначалу было две полных, так спасибо инженерам, сумели чуть улучшить). И перископ с малой светосилой, ночью ни черта не видно! Значит, будем стрелять с надводного. И скорее, – а то японцы уже близко!

Прицел был взят хорошо – две торпеды ушли, а больше на «малютке» и не было. И принять балласт, ныряем, авось не заметят!

Эсминец «Новаки», с опытным командиром и еще довоенной выучки экипажем (в иной реальности потопленный у Филиппин еще осенью сорок четвертого), на скорости в тридцать пять узлов протаранил лодку, все еще оставшуюся на поверхности. Вообще-то командир эсминца, капитан 3-го ранга Ямамори, намеревался пройти над погружившимся врагом, сбрасывая глубинные бомбы, ну кто же знал, что эти гайдзины окажутся столь нерасторопны? И еще, при всем своем опыте охотника за субмаринами, Ямамори совершил главную ошибку, запретив открыть огонь сразу же после обнаружения и опознания цели, чтобы не спугнуть. Забыв, что сейчас он был не охотником, а охранителем, и обязан был прежде всего сорвать атаку лодки, а не увеличивать свой счет. И понял эту

ошибку, лишь когда увидел взрыв торпеды у форштевня «Ямато».

Одна торпеда в носовую оконечность линкора – за девятнадцать человек экипажа М-3. Это много или мало? В иной реальности, в бою у Окинавы, «Ямато» выдержал до гибели десятков торпед, не считая авиабомб. Но – в той конкретной обстановке? Форма корпуса японских линкоров была совершенна, там впервые в кораблестроении был применен носовой бульб (в более позднее время ставший привычным для крупнотоннажных судов). Теперь всю эту конструкцию разворотило и свернуло на сторону, резко ухудшив гидродинамику. И не было никакой гарантии, что на большом ходу напор воды выдержит переборка в носовом отсеке. А потому – скорость упала с полных 28 узлов до едва ли двадцати. Что значило – продолжить выполнение задачи, обстрелять порт Вонсан и еще до рассвета отойти под рассчитанный радиус прикрытия палубной авиацией, «Ямато» уже не может.

Повреждение «Ямато» первоначально приписали катерникам. О роли М-3, сначала зачисленной в пропавшие без вести, узнали позже, из показаний пленных японцев.

Ночь на 23 июня 1945 года.

Авианосец «Тайхо», Японское море

Прилетел катапультный разведчик с «Тоне». Просто чудо, что сумел найти эскадру, ночью. И еще большее чудо, что его не сбили свои же зенитчики, стрелявшие в любую воздушную цель. Но связаться с «Ямато» иным способом было невозможно. Контр-адмирал Нобуэй Морисита докладывал, что соединение было атаковано большим числом русских торпедных катеров и понесло тяжелые потери. Кроме флагмана, уцелели лишь крейсер «Тоне» и эсминец «Новаки». Причем «Ямато» получил одно торпедное попадание, и не может развить ход выше двадцати узлов.

Зачем было это сообщать? Адмирал Тоеда понял – контр-адмирал Морисита, как истинный самурай, не мог даже намеком показать свое сомнение и неуверенность в победе. Но посылал свое донесение в надежде, что ответом будет приказ сворачивать операцию и отходить домой. Поскольку, по трезвой оценке, вероятность поражения слишком велика, а вот надежда на успех –

призрачна. Еще не поздно отдать приказ и до рассвета оказаться достаточно далеко от русских авиабаз и от атак подлодок, зато под «зонтиком» авиации из Метрополии.

Но Тоеда знал, что приказа на отступление не будет. Слишком много было поставлено на карту, слишком важна была для Японии хотя бы тень победы в этой битве. Американцы сильнее на море, но плохо воюют на суше. Русские же непобедимы на земле, но в море они должны уступать японцам. Лишь при таком положении возможен для страны Ямато хоть как-то приемлемый мир. И если мы отступим сейчас – да, с большей вероятностью завтра мы сойдем на берег живыми. А послезавтра увидим конец Японии.

А если мы все умрем, до конца выполнив свой долг, но наша гибель будет не напрасной – разве не в том состоит истинный долг самурая?

Наверное, в это верил и адмирал Рожественский, прорываясь через Цусимский пролив? Что даст России шанс если не на победу, то на лучший мир. Только Япония сегодня в намного худшем положении, чем Российская империя в 1905 году, которой все же не грозил полный крах с безоговорочной капитуляцией и оккупацией территории. И если мы сейчас рухнем – подняться нам уже не дадут.

У нас есть лишь одно преимущество – Рожественский не был самураем и не знал кодекса бусидо. Который гласит – жизнь сдавшегося врага не стоит и горсти пыли. Потому капитулировать бесполезно, все равно не пощадят, лишь еще и потеряешь честь. И – долг самурая тягче горы, смерть же легче пера.

Потому ни одно из японских соединений не изменило курс. Делай, что должно, – Аматаэрасу рассудит!

Лазарев Михаил Петрович, командующий ТОФ.

Что не вошло в мемуары (и никогда не войдет)

Не учат у нас нигде – на комфлота. Чтобы командовать безупречно и ошибок не допускать.

Причем особенно обидно – что прокол как раз в том, что я считал своей епархией, – в подплаве ТОФ. Казалось бы, раньше на квалификацию не жаловался, раз уж в 2012 году командирский стаж в пять лет имел, и опыт был уже в этом времени, как мы на Севере кое-какие технические новинки и тактические приемы «из будущего» внедряли. И мастер-класс для командиров «белых акул», что мы в Москве устроили, – я ведь не шутил, сказав Видяеву, что «здесь и сейчас вы лучшие подводники этого мира». Но от комфлота – нечто иное и сверх того требуется.

Тут еще и оргвопрос подвел. Есть должность командующего ВВС флота – и Раков Василь Иванович там полностью на своем месте, я на него во всех авиационных вопросах положиться могу. Есть зам по тылу (снабжению и строительству), есть зам по политработе, есть даже зам по немецкому персоналу и зам по импортной технике (отвечает за то, чтобы вся имеющаяся немецкая матчасть работала, расходники и запчасти к ней поступали бесперебойно, а при необходимости и инженерно-техническая поддержка обеспечивалась). Но нет заместителя комфлота – командующего всеми подводными силами ТОФ! А есть бригады и дивизионы подплава, замыкающиеся непосредственно на штаб флота.

Если коротко – вот не хватало мне времени, чтоб заниматься текучкой! Разработать план, включить в него необходимые мероприятия, даже взять на контроль, чтобы не замотали, исполнили, это есть. А убедиться, что ко всему этому отнеслись серьезно, а не для галочки? Вот потому я здесь больше людям с воющих флотов доверяю – у них за четыре года в подкорку вбито, что разгильдяйство это прямой путь в гроб или в трибунал. А то привыкли тут сачка давить, через пень-колоду, мать их за ногу! Ладно, дисциплину удалось подтянуть. Интенсивность учений в разы возросла – сколько можно было за полтора мирных месяца нагнать, с апреля лишь, как лед сошел. И все равно по уровню подготовки местные «щукари» моим «белым акулам» на голову уступают. А масштабная модернизация, с внедрением на лодки технических новинок, как РЛС и гидролокаторы, приборы управления торпедной стрельбой, системы регенерации воздуха, амортизация механизмов и прочее – по одной электрике был список длинный! – при слабости дальневосточной производственной базы привела бы к полной небоеспособности подводных сил ТОФ во время войны. А ведь поставить все это мало, надо еще личный состав обучить. И командиров – чтобы поняли, какие тактические выгоды открываются. Иначе же – и деньги, и время на ветер.

Ну и ждал я, что основное действие развернется возле Камчатки и Курил, в океане. Потому вся дюжина «акул» и «катюши ПЛО» были первоначально развернуты там. И Котельников там, легенда советского подплава, вот его бы надо моей правой рукой, за подводные силы флота ответственным, сделать! Теперь нельзя – на посту командира Камчатской бригады он полностью на своем месте. Сумел там порядок навести – даже местных подтянуть (забегая вперед, скажу, выходили камчатские «щуки» в походы, правда, побед им не досталось, но и происшествий и потерь избежали, то есть в целом свою задачу выполнили).

А вот во Владивостоке Прибытко, командир Щ-139, о котором я уже рассказывал (десять лет получил за диверсию на своей лодке, а до того чуть не утоп, приказав «срочное погружение» не глуша дизеля) был типичным представителем, не лучше и не хуже прочих! ТОФ три года воюющим флотам все самое лучшее отдавал, и корабли, и людей. И нормальный экипаж подлодки, это такой организм, что на замену отдельных элементов, особенно командирских, реагирует крайне плохо (при смене командира положено весь курс боевой подготовки заново пересдавать). Ладно, дивизион «ленинцев» сумели подтянуть, и в техническом смысле, и тренировками. «Щуки» еще туда-сюда, особенно новые, серия Х (номера с 126 по 134-й, и подорванная 139 там же была), и Х-бис (Щ-135, 136, 137), им тоже кое-что из новинок досталось. А старушки, серий V и V-бис, дюжина здесь, и столько же на Камчатке, с ними что делать? Поскольку никакой модернизации на них не велось со времен постройки, года 1934/1935.

И это еще не край. Поскольку четверть всех подводных сил ТОФ составляли «малютки» самой первой «VI серии». А приплюсовав чуть более поздние «VI-бис», то треть. Или чуть больше половины, если считать только Владивосток, без Камчатки. По уму, их надо списать к чертям, или перевести в учебные, а не посылать в боевые походы, даже в оборонительную завесу у своих берегов. А заменить кем?

– Так десять лет уже ходим, и ничего! Лодки старенькие, но личным составом освоенные хорошо. Вполне справляются.

Заменить и вправду нечем. Немецкие лодки «тип XXIII», в этой истории так и не успевшие поднять флаг до капитуляции Рейха, и доставшиеся нам лишь в виде задела на верфях, впервые вышли море уже осенью сорок четвертого. Два месяца испытаний (надо же было оценить, что за кот в мешке нам достался), сейчас строят серию для Балтфлота и Фольксмарине, а вот на Дальний Восток

они уже не попали. Потому что перевозка крупногабаритного груза по Транссибу сильно мешает прочему движению (а мы и так пропихивали по нему и «шнелльботы», и БДБ), а надо и армию снабжать. А хорошая была бы замена «малюткам», – но не судьба.

– Михаил Петрович, может соснете пару часиков, – говорит Зозуля, – до рассвета вряд ли что принципиально изменится. Авиация готова, сразу и начнем!

В штабе привычная деловая обстановка. На огромном столе расстелена карта, расчерченная линиями и значками. А еще на ней стоят фигурки, похожие на шахматные (нововведение Зозули, подсмотренное у американцев). Красные мы, синие противник. Каждая фигурка это «юнит», или корабль, или эскадра, или авиачасть на аэродроме. В последнем случае под фигурку кладется карточка, где написано – номер части, число боеготовных самолетов. Циркулем на карте уже проведены круги – радиус действия для разных типов самолетов, от каждой авиабазы. И два синих «утюжка» – последние уточненные авиаразведкой места двух японских соединений, авианосного и линейного.

Авианосцы – координаты, 39 с. ш, 133 в. д. Причем идут на юг – выдерживают расстояние до побережья. «Ямато» с тем, что у него осталось, – 40 с. ш., 131 в. д., сейчас курс на запад. А что есть у нас?

Североморский корпус в расчет не принимаем – 5-я минно-торпедная дивизия, 6-я истребительная – Сахалин, Курилы, Камчатка. И северное направление оголять не хочется, там каша заварилась, на Итуруп высадились, а на Уруп еще самураев добивают. Ладно, управимся и без них.

Балтийский корпус – развернут на побережье, в районе Терней – Рудный – Преображение. 8-я мтад (два минно-торпедных полка, на Ту-2Т, полк пикировщиков Пе-2, истребительный полк на Ла-11). 1-я гвардейская истребительная (три полка на Ла-11), 9-я штурмовая (два полка на Ил-10, два на Як-9). Упрощенно можно принять, истребительный полк 40 машин, прочие по 30.

Черноморский корпус – сосредоточен на аэродромном узле Владивостока. 2-я гвардейская минно-торпедная (три полка, «бостоны»), 13-я пикировщиков (два полка Пе-2, два истребительных, Як-9), 11-я штурмовая (два штурмовых полка, Ил-2, два истребительных, Ла-11), 4-я истребительная (три полка, один на Ла-11, два на Та-152).

Тихоокеанский корпус – разбросан от Посъета до Николаевска. В районе Посъет, Славянка, Владивосток – 10-я бомбардировочная дивизия (33 бап, 34 бап – оба на Пе-2, 19 иап, на Як-9). Остальные – держат побережье (15-я смешанная дивизия), задействованы на севере (12-я штурмовая – на Сахалине, работает над Курилами и проливом Лаперуза, 2-я минно-торпедная, также Сахалин).

И «особый корпус», сведенный в две дивизии, 13-ю и 16-ю. Десять полков носителей управляемого оружия, на Не-177, До-217, Ту-2. Два «снайперских» пикирующих бомбардировочных полка (один из них 12й гвардейский, которым Раков еще на Балтике командовал). А вот Не-277 – только в отдельных эскадрильях, одна разведывательная, вторая постановщики помех. Развертывание севернее Владивостока – Уссурийск, Спасск, Арсеньев.

Еще армейская авиация. Две истребительных дивизии, шесть полков – на Як-9 и Та-152. Сумеют работать над берегом, при отражении японского налета. А вот армейских ударных в расчет не беру, они по кораблям на ходу не обучены.

И – красные утюжки на карте, отряд «акул» Видяева. 42 с. ш., 135 в. д., двигаются на юг. Когда доберутся, придет японцам пушной зверек. Еще показана завеса лодок (семь штук) к северу вдоль побережья. Старые «щуки» или даже «малыши» пусть на подхвате побудут, если только кого добить – в большую драку влезать им категорически противопоказано. Да и не нужно – Видяеву добычу спугнут!

Отряд торпедных катеров – после ночной баталии отходит в Посъет. Шабалину с охотой подпишу на вторую Звезду, которую он в этой версии истории пока не получил, даже неудобно! Два крейсера и пять эсминцев, для торпедников абсолютный рекорд, нигде и никогда еще катера в одном бою столько не топили. Так что – по праву заслужил!

И наш обратный конвой из Вонсана ползет вдоль корейского берега, сейчас в полусотне миль южнее Сейсина. И перехватить его японцы уже не успевают.

Можно и отдохнуть. Тем более что идти недалеко – в соседней комнате кожаный диван. А для отдыхающей смены офицеров штаба (когда аврала нет) дальше по коридору и дверь налево, там койки поставлены. Дверь направо – это столовая – хотя сегодня днем нам вестовые горячий чай с бутербродами и печеньем прямо сюда приносили. Вот победим, тогда и будет отдых, а также победный рапорт, в

ожидании чинов и орденов.

Пару часов до рассвета. Чертовы самураи, чтоб вам скорее утопнуть, – выспаться людям не дают, агрессоры проклятые!

Из письма Героя Советского Союза, генерал-майора авиации Калиниченко Андрея Филипповича – А. Сухорукову. В сокращенном виде вошло в кн. А. Ф. Калиниченко «Дальневосточное небо». Л., 2002. (альт-ист.)

Да, я хорошо помню тот день, 23 июня 1945 года.

Звучит пафосно, – но в то утро мы понимали, что настал «момент истины», решающая битва, должна исправить то ненормальное положение, когда Япония, хозяйничавшая в дальневосточных морях, попросту мешала нормальному развитию советского Дальнего Востока – Приморья, Сахалина и Камчатки. Постоянная угроза военного вторжения, неравноправные концессии, пиратство японских браконьеров в наших водах – при все возрастающей агрессивности японского милитаризма, мечтающего о территориях на континенте. Это не было лишь словами – тогда, в сорок пятом, старожилы здесь хорошо помнили, как самураи приходили на нашу землю в Гражданскую, говоря о «Японии до Байкала». Можно спорить про русско-японскую войну, была ли она справедливой, но что японцы забыли у нас в 1918–1922 годах, за что они убивали русских на русской земле?

И в Токио в 1945-м правили те же, кто командовал агрессией тогда. Или их наследники. Или те, кто гордились теми преступлениями. Кто считал доблестью отторжение Южного Сахалина и резню там русского населения. Кто перед этим захватил Корею, Маньчжурию, а теперь пытался проглотить и присоединить Китай. Чье отношение к населению захваченных территорий – весьма напоминало гитлеровское. Японский милитаризм был братом-близнецом германского нацизма, с точно таким же стремлением к мировой Империи путем завоеваний, жестокому ограблению захваченных стран и фактическим стандартом «высшей японской нации». А для нас, только что выдержавших самую страшную войну за само выживание нашей страны и народа, было ясно – с фашистами, любого цвета, коричневого или желтого, нам в этом мире, под этим солнцем места нет – или мы, или они!

Мы не были фанатиками войны. И очень хотели жить, хотя бы затем, чтобы увидеть, какой будет наш победивший социализм, сначала в отдельно взятой стране СССР, а после и во всем мире. Но прав был товарищ Сталин, сказав – если не нам, то нашим детям завтра пришлось бы сразиться с поднявшим голову желтым фашизмом. И никого не обманывал так называемый «пакт о ненападении» 1941 года – 22 июня фашисты показали, как они соблюдают договоры! Но мы уже втянулись в войну, научились, – а кому-то придется «школу молодого бойца» проходить, в боевых условиях, оплачивая кровью. Так что – завершим освобождение мира от фашистской чумы, и чтобы без остатка!

Нас, Особый корпус, берегли, не бросали в бой по мелочи. Готовили для решающего удара – и вот день настал. Утро было тихим и погожим, на Дальнем Востоке «сезон дождей» начинается позже, в июле-августе. Собравшись в центре поселка, мы ждали транспорт на аэродром, наконец, подошли три автобуса, немецких, трофейных, по одному на каждую эскадрилью.

Мы уже знали, что на Вонсан идёт японская эскадра, которую уже атаковал один из полков нашего корпуса. А тактико-технические данные японских кораблей, их внешний вид по фотографиям и ход воздушно-морских сражений Тихоокеанской войны мы заучивали еще два года назад, летом сорок третьего, при тренировках над Ладогой. Мы имели ясное представление о ПВО японской эскадры – помимо истребителей, размещённых на двух уцелевших от предыдущих атак японских авианосцах (а это не менее сотни машин – по-нашему это почти три истребительных авиаполка), огромное количество зенитной артиллерии калибром от 25 мм до 127 мм (правда, системы управления огнем были не на высоте). Только крупнокалиберные зенитки эскадры могли в минуту выпустить до семисот снарядов. А были еще зенитные автоматы и крупнокалиберные пулемёты.

Мы знали, что японцы разделили свои силы, на линейное и авианосное соединение. Наш полк был задействован против второго. В числе десяти полков – пять истребительных, один пикировщиков, три минно-торпедных, и мы, носители управляемых бомб. Хотя тогда нас «по старой памяти» часто называли торпедоносцами, так же как и наши реактивные бомбы «летающими торпедами».

Особо хочу отметить разведчиков, сыгравших огромную роль в нашей победе. Нет, не «рыцарей плаща и кинжала», героев плохих детективов, а экипажи отдельных разведывательных эскадрилий. Вопреки расхожему мнению и

кинофильмам, в ту войну бомбардировщики Хе-277 были лишь в составе авиации дальнего действия, флот имел только разведчики и самолеты РЭБ – впрочем, на практике эти роли часто пересекались, сначала обнаружить противника, а затем постоянно висеть над ним, круглосуточно, на недосягаемой для зениток и истребителей высоте, выдавая целеуказание своим силам и заглушая врагу радары и связь. Именно это было и сейчас – именно потому наш удар был для японцев внезапным, самураям пришлось поднимать свои истребители, когда наши головные эскадрильи уже ложились на боевой курс. А дальше – все шло по строго рассчитанному графику.

Операция готовилась под руководством штаба ВВС Тихоокеанского флота, с задачей, максимальной по амбициозности, «ни один японский корабль не должен уцелеть – абсолютная “Цусима” и никак иначе!». Накануне вечером, 22 июня, когда состав японской эскадры уже был известен и план удара вчерне готов, весь командный состав задействованных полков, вплоть до комэсков, отрабатывал взаимодействие в штабе авиации Тихоокеанского флота во Владивостоке, под личным руководством самого Ракова. Каждый полк, а при необходимости, и эскадрилья, имели конкретное боевое задание. Была расчерчена площадка, стояли макеты – и «пешим по-лётному», с часами и секундомерами. Благо что все полки были или из Черноморского, или из нашего «Особого» корпусов, базирующихся недалеко от Владивостока, особенно если добираться на У-2, – так что проблем со сбором и отправкой назад командиров не возникло. Я, как командир 2-й эскадрильи, участвовал тоже, вместе с бывшими сослуживцами по 12-му гвардейскому (Барским, Аносовым), познакомился и с другими уникальными ребятами, такими как Василий Иванович Минаков (глыба-человечище!).

Сначала истребители Ла-11, Як-9УД и Як-9П пяти истребительных авиаполков (три на «ла» и два на «яках» – 200 машин!) должны были «расчистить нам воздух», добившись полной нейтрализации палубных японских истребителей, – а по уничтожению воздушного противника – подавлять пушечно-пулеметным огнем ПВО кораблей эскорта. Второе не было выполнено из-за ожесточенного сопротивления японцев, а главное, подхода с берега свежих сил. Но прикрыть бомбардировщики наши истребители сумели – не зафиксировано ни одного «бостона» или Пе-2, сбитого «зером». Оказалось оправданным решение, все истребители выделить для «расчистки воздуха», не оставив никого для непосредственной поддержки ударных машин – вопреки опыту войны с немцами, гласящему, что прикрытие у бомбардировщиков должно быть всегда! Но предварительный расчёт хода сражения показывал, что у японцев не останется не связанных боем истребителей. К тому же Пе-2И были бы далеко не

легкой целью даже для «фокке-вульфов», не то что для «зеро».

Затем по эскорту должны были ударить «бостоны» двух минно-торпедных полков, в топмачтовом варианте, – а после израсходования крупнокалиберных бомб атаковать как штурмовики, кроме пулемётного огня (6 курсовых 12,7-мм пулемётов и не меньше трех таких же у бортовых стрелков), сбрасывая осколочные бомбы, весом от 5 кг до 50 кг. Японских зенитчиков с палуб просто сметало – да 50 кг уже и эсминцу ощутимо, доставалось не только людям, но и механизмам. Решение себя оправдало – в опросе после боя (стандартная процедура для накопления опыта) было записано со слов многих, что огонь вражеских зениток слабел буквально на глазах, и это при увеличении числа наших самолетов над целью! В этой же фазе пикировщики Пе-2И должны были нанести удар по наиболее крупным японским кораблям – авианосцам и линкору, а по линкору ещё и топмачтовики с тяжёлыми тысячекилограммовыми бронебойными бомбами. Причем удар по линкору особо выделенной эскадрильи «бостонов» должен был быть строго согласован с атакой пикировщиков. И в завершение авианосцы должны были быть атакованы двумя эскадрильями торпедоносцев – 18 машин.

Это была самая спорная часть операции. Даже Раков сомневался, стоит ли – и личный состав этих эскадрилий был далеко не самой лучшей выучки (больше других разбавлен не воевавшими лётчиками), да и наши авиационные торпеды были не самыми мощными и не самыми надёжными. Но Минаков (фанат торпед!) всех убедил, что даже если будет хотя бы одно попадание, то и это успех, поскольку противоторпедная защита японских авианосцев далеко не самая лучшая в мире. А главное, не воевавшие лётчики получают реальный боевой опыт – где его еще добыть, как не на войне? Даже если в этом бою большинство промажут – попадут в следующем, потому что уже будут ученые. Он сумел убедить всех, и даже хотел лично возглавить атаку торпедоносцев, но тут уже Раков его уговорил вести топмачтовиков – попадут торпеды в авианосцы или нет, не столь важно, добьем бомбами, а вот линкор, у которого, в отличие от авианосца, и с бронёй, и с противоторпедной защитой всё в порядке, надо было бить наверняка. И получил в итоге Минаков звание Героя Советского Союза – заслужил! Хотя, повторюсь, что ему топмачтовые атаки не нравились совершенно.

Наконец, третьей фазой операции по авианосцам и оставшимся кораблям эскорта наносит удар полк Хе-177. Считалось, что к этому времени зенитный огонь японских кораблей будет ослаблен, а полученные повреждения помешают

уклоняться от управляемых бомб. И если противник еще останется боеспособен, то наступала четвертая фаза, в реальности оставшаяся за кадром, удар резерва, полка До-217 (носителей УАБ) под прикрытием ещё одного полка истребителей.

Также не стали чрезмерно увеличивать количество ударных самолётов – качество лучше и важнее количества. Хотели сначала задействовать два пикировочных полка, но затем ограничились одним (зато каким! 12-й гвардейский, это легенда! Самураи хвалились, что их перл-харборские ударники добивались эскадрильей девяти попаданий из девяти, в корабль-цель «Сетсу», бывший линкор. А те же девять попаданий в круг диаметром пятнадцать метров не хотите?). Так что Раков сам сказал, эти справятся за двоих! И решили число пикировщиков сократить, а «бостонов» увеличить.

Причем был предусмотрен даже такой момент, как отдельное «киносъемочное» звено. Три До-217 не несли никакой боевой нагрузки, но в носовой турели пулемет был заменен кинокамерой на амортизированном станке. Так как это сильно снижало оборонительные возможности, то им единственным Раков выделил персональную охрану, по звену истребителей на каждого (хватило бы и пары, но – «головой отвечаете, чтобы с товарищами ничего не случилось»). Причем старшим из операторов был Владислав Владиславович Микоша, я тогда с ним знаком не был, а черноморцы с ним с уважением здоровались – после и я проникся, биографию его узнав. Как мне сказали по секрету, он в Харбинском десанте был, – а теперь и на нашу операцию сам вызвался, добровольно. И кадры, снятые им и его напарниками, в том сражении, сейчас широко известны, во многие документальные и даже художественные фильмы вошли!

Скажу еще о боеприпасах. ФАБ-500, какие несло большинство топмачтовиков, были самые обычные. Пе-2 имели одну бронебойную авиабомбу БРАБ-1000 «старого типа» на внутренней подвеске (благо что у этой «пешки» имелся механизм вывода бомбы из бомболюка на пикировании). Без анекдота не обошлось – БРАБ-1000 «нового типа» в бомболюк Пе-2 не влезала по длине. Укоротить стабилизатор нельзя, он и так короткий. Тут выяснилось, что на складах Тихоокеанского флота до сих пор хранятся БРАБы старого образца, у них стабилизатор длиннее, подрезать можно. Поскольку дело было еще весной, то успели не только бомбы под размер бомболюка подогнать, но и перезалить тол на ТГА. По сравнению с «новым типом», бронепробиваемость поменьше, – но авианосцам хватило и того. Как показали пленные – бомбы пробивали по две бронепалубы, а в близких взрывах у бортов вызывали сотрясение механизмов. Ну а топмачтовики Минакова несли БРАБ новые, но и в них сменили тол на ТГА. А

торпеды, насколько помню, обычные – 45-36АН с контактными взрывателями.

Мы взлетали первыми – хотя должны были появиться над целью последними. Знали, что когда мы уже соберемся в воздухе строем, с соседних аэродромов начнут взлетать торпедоносцы и топмачтовики, и лишь последними – пикировщики и истребители, которые, при большей скорости, первыми нанесут удар по японской эскадре. Каждый полк шел к цели самостоятельно, своим маршрутом, но по общему графику. В небе не было ни облачка, видимость «миллион на миллион». В точно рассчитанный момент мы прошли последний контрольный пункт, общий для всех групп, дальше полёт был над морем, под крылом поблескивало огромное зеркало, почти полный штиль. Условия для выполнения задания были практически идеальными. И для вражеских истребителей тоже, но нас заверили, что ни одного японца ближе ста километров от берега не будет, в зоне обзора береговых РЛС ПВО и ответственности армейских истребительных полков.

Первыми над эскадрой появились наши истребители и тут же вступили в бой с японской палубной авиацией. Внезапной атакой смели пару самолетов воздушного дозора, которыми самураи пытались заменить заглушенные радары, а также дежурное звено «зеро», так что прочим японцам пришлось взлетать и набирать высоту, постоянно получая от нас сверху, – но враг был упорный, не замечал потерь. И битва была страшная, но наших Ла-11 и Як-9 было вдвое больше, да и техника у нас получше, и мастерство против японского упрямства. Но тут над местом боя появилось еще не меньше полка «зеро улучшенных» (силуэт характерный, крыло чуть скошено вперед), как оказалось, прилетевших с берега, они сразу вступили в бой, имея свои палубы внизу, им не приходилось бояться остаться без топлива над морем! Но несколько минут оказались решающими, одновременно вступить в бой у самураев не получилось – наши истребители имели возможность бить врага по частям. И драка была жестокая, – но свою задачу 4-я истребительная дивизия выполнила, помешать работе нашей ударной авиации японцы не смогли.

В это время, на высоте 3000, строго выдерживая расчетное время, к эскадре вышло три эскадрильи Пе-2И – знаменитый 12-й гвардейский полк, бывший когда-то первым в Особом корпусе. Одновременно с «пешками» к эскадре на малой высоте подкрались А-20, 21 гвардейской минно-торпедной, и со всех сторон атаковали японские эсминцы топмачтовым способом, 500-кг бомбами. А пикировщики шли на главные цели, которые зенитки эскорта уже не могли прикрыть.

Вот штурман ведущего Пе-2И 1-й эскадрильи четко вписал «Тайхо» в сетку прицела. Команда «пошел» – и командир 12-го полка гвардии майор Барский перевел самолет в пикирование, за ним ведомые – первая эскадрилья, на флагман, основную цель! Самолеты, как гигантские торпеды, с огромной скоростью неслись почти вертикально на японский авианосец. Вот уже отчетливо различаются палубные надстройки. Высоты осталось только на выход из пике. Нажата боевая кнопка. Бомбы сорвались с замков. Взрываясь, они окутали «Тайхо» клубами дыма и вздыбили рядом с ним фонтаны воды. Есть два прямых попадания 1000-килограммовых авиабомб! И мощные взрывы внутри корабля!

На «Кацураги», второй авианосец, выходила эскадрилья гвардии капитана Аносова. Небо вокруг самолетов усеялось густо-серыми шапками разрывов 100-мм снарядов. Один из самолетов, экипаж капитана Мережко, ведущего третьего звена, был подбит, но с курса не сошел, и вместе с бомбами врезался в корабль. Что напугало самураев – у русских тоже есть камикадзе? И еще два прямых попадания тонными бомбами, и фонтаны от взрывов рядом с бортом – эффект «гидравлического молота», тоже мало не покажется!

Третью эскадрилью «петляковых» вел командир эскадрильи гвардии капитан Кожевников. Они атаковали линкор «Нагато», попали в него одной 1000-кг авиабомбой, но главное, что они отвлекли на себя весь его зенитный огонь, чем обеспечили атаку эскадрильи топмачтовиков на малой высоте. На бреющем полете, придерживаясь курса пикировщиков Кожевникова, шла эскадрилья топмачтовиков А-20 капитана Минакова. Для этой атаки были отобраны самые опытные лётчики и выделены самые новые самолеты, способные поднять по две 1000-кг бомбы. Требовалось особое мастерство, чтобы выйти в атаку ни секундами раньше (риск попасть под разрывы бомб с Пе-2, поднимающих огромные водяные столбы), ни секундами позже (зенитчики линкора успеют переключиться на новые цели). И это получилось! Из сброшенных с тридцатиметровой высоты шести 1000-килограммовых бомб, четыре, несколько раз срикошетирав от воды, попали в линкор. Рвануло хорошо, и поднялся высоко в небо огромный столб черного дыма! Судя по месту и силе взрыва, детонировал боекомплект кормовой башни главного калибра.

Второе и третье звенья топмачтовиков, видя, что линкор, осев на корму, быстро погружается в воду, атаковали идущий ему в кильватер крейсер «Яхаги». Сброшенные ими бомбы попали точно в цель, две или три (сведения различаются) для легкого крейсера одинаково смертельно. И наконец, в

последней волне «бостонов» 2-го гв. мтап в атаку на японские авианосцы вышло две эскадрильи торпедоносцев – из 18 сброшенных ими торпед две попали в «Тайхо» и одна в «Кацураги».

Удары пикировщиков и топмачтовиков расчистили дорогу нашим «орланам» (немецкое «гриф» у нас как-то не прижилось – никто не хотел быть стервятником). К японской эскадре мы подошли на высоте 4000 метров. Три эскадрильи Хе-177 – 27 самолётов, каждое звено несло по восемь управляемых авиабомб КАБ-500Р (наше обозначение немецких Hs-293) – по две у ведущего и по три у ведомых. 72 планирующие ракето-бомбы на полк. Меньшее число у ведущих потому, что только у них были бортовые радары, во время атаки определяющие дистанцию, чтобы дать команду на пуск всему звену. Так, тройками, мы заходили в атаку на японские корабли, каждый самолет сбрасывал одну бомбу, мы смотрели на результат и уходили на круг для пуска следующей. После второго захода – на третий (тут понятно, что ведущий только командовал). Это был конвейер смерти, добивание в полигонных условиях – потому что никакого зенитного огня японцы уже не вели и нормально маневрировать не могли. Я командовал первым звеном второй эскадрильи (в которой я был и комэском), а наводил ракеты мой неизменный штурман Виноградов. По моей визуальной оценке, хорошо попало и взорвалось не менее половины наших бомб. Впрочем, если и меньше (техника все же новая), попавших и сработавших было более чем достаточно для удовлетворительного результата.

Возможно, что для последнего звена нашей 3-й эскадрильи в третьем заходе уже не было целей. Нет, не могу сказать, что в море не было уже ничего, кроме обломков, шлюпок и людей в спасжилетах – хотя бы потому, что большому кораблю даже при смертельном повреждении требуется время, чтобы затонуть, а вся операция с начала боя заняла не больше 20 минут. Но было видно, что все еще оставшиеся на поверхности корабли горели, не имели хода и не вели зенитного огня. И в воздухе бой еще шел – последние японские истребители, увидев, что садиться им некуда, а до берега бензина не хватит, как осатанели, пытались идти на таран! Потому мы, истратив боезапас, ложились на курс к дому. И уже не видели последних аккордов битвы.

Мы поначалу засчитали, что в «Тайхо» попало две торпеды – одна возле миделя и одна под винты. Но пленные после говорили, что торпеда за кормой взорвалась в спутной струе, хотя её взрыв что-то там в валах повредил. Потому в журнале боевых действий результат менять не стали. Зато читал, что сегодня

некоторые историки (западные, но кое-кто и у нас) признают только два попадания из восемнадцати сброшенных торпед. Я же со своей стороны хочу отметить, что у нас еще при планировании учли фактор молодости и отсутствия боевого опыта у большей части лётчиков и штурманов торпедоносцев, поэтому им был дан категорический приказ: сброс торпед разрешен только в атаке на авианосец. Все другие типы кораблей атаковать торпедами запрещалось. Даже линкор. Потому что только у авианосца однозначно трактуемый силуэт, который ни с каким другим кораблём не спутаешь. Дай им возможность пуска по линкору, они бы всё побросали на эсминцы – им по боевой запарке любой сторожевик линкором покажется. А, кроме того, для определения правильной дистанции, на лобовых стёклах нанесли «риски» (благо длина авианосцев была известна), как вписался силуэт – бросай торпеду. Кажется, проще некуда, но всё равно нашлись ухари, которые бросали торпеды куда угодно, но только не по авианосцу, а некоторые и вообще без явной цели – фотоконтроль показал. Не трусость, просто неопытность и боевой мандраж.

Чем стреляли мы? Вопреки распространенной легенде, попавшей даже в иные военно-исторические издания, тогда у нас еще не было «щук» – ракето-торпеда Hs-294, ставшая для нее прототипом, на момент капитуляции Германии была еще сильно недовершенной конструкцией, а главное, имела голландскую электронику, после Победы недоступную нам, по понятным причинам. В то же время управляемая бомба Hs-293, в отличие от более раннего «Фрица-X» (наш аналог КАБ-500), имела ракетный ускоритель и радиокомандную систему наведения (не проводную). Алгоритм наведения остался прежним, «по трём точкам», на бомбе был светящийся трассер, у штурмана специальный оптический прицел-бинокуляр. Вес боевой части 500 кг, с 300 кг ТГА (полтонны по тротилу), мало и линкору не покажется, а для эсминца или легкого крейсера смертельно.

Читал, что будто бы планировалось использовать полки на До-217 или Ту-2. Но это не так – Хе-177 был выбран потому, что он мог поднять три управляемые бомбы (До-217 максимум две, а Ту-2 одну). А поскольку в этой операции планировалось, «лучше меньше да лучше», то выбор был ясен.

Наши потери – 19 истребителей, 9 «бостонов» и один Пе-2. Были еще поврежденные, в том числе вернувшиеся с большим числом пробоин – но все же не безвозврат. Для операции такого масштаба и с таким результатом – очень мало.

О самолете Хе-177, его освоении и применении в советских ВВС – это история отдельная. Хотя, по моему мнению, эта машина оказалась у нас в тени своего более удачного потомка Хе-277 (передаваемых в морскую авиацию из АДД, при ее переходе на Ту-4), ну а в начале пятидесятых уже пошли реактивные. В результате самой яркой страницей жизненного цикла Хе-177, по иронии судьбы, сконструированного и сделанного в Германии во время войны с нами, – оказалась именно та битва в Японском море, когда «хейнкели» уже несли красные звезды на крыльях.

Над Японским морем.

23 июня 1945 года

Они опоздали на битву. И нет им прощения!

Берег остался позади меньше двух часов назад. Мори Танабэ был не только мастером воздушного боя, но и опытным морским пилотом. Сейчас они увидят эскадру, сядут на «Тайхо», как было предписано, дозаправят свои «зеро-райсены» и пойдут в бой. Армия в Корее истекала кровью, и флот пришел ей на помощь. Должен был прийти!

Русские высадили десант в Вонсане, перерезав железную и шоссейную дороги, единственный путь снабжения восточного фланга Корейского фронта. Попытка сбросить гайдзинов в море обернулась лишь огромными потерями. Флот должен помочь, нанеся по русскому плацдарму мощный артиллерийский и авиационный удар! И прикрыть бомбардировщики Армии, действующие с авиабаз Метрополии. Отчего не из самой Кореи? Там уже практически не осталось авиации, аэродромы перепаханы русскими бомбами и нет бензина. Выбить «вонсанскую пробку», одержав наконец первую победу над русскими в этой войне, – показать, что страну Ямато рано сбрасывать со счетов!

Они уже были в воздухе, когда по радио передали – над эскадрой идет бой, огромное количество русских самолетов, в том числе и русские камикадзе. Флот несет тяжелые потери, скорее нужна помощь! Значит, там действительно очень плохо, раз сказал так, не побоявшись потери лица? Прибавить газ, рассчитав расход бензина так, чтобы хватило на десятиминутный бой и посадку на палубу!

Мори Танабэ был хорошим навигатором и вывел эскадрилью точно в условленное место. Там не было ничего, они свернули к югу, осматривая горизонт. И наконец нашли.

Плавающие обломки, пятна мазута, плотики и тела. Очень много, по всему морю внизу. И ни одного корабля. А люди на плотиках, увидев красные круги на крыльях, приветливо махали руками – значит, это были свои, не гайдзины! И он мог сделать для них – разве что пройтись огнем из всех стволов, чтобы прекратить мучения и избавить от позора плена? Поскольку ясно было, что раз флот погиб, то никого не пришлют сюда спасать выживших.

И некому было мстить – русские ушли. Потопив всех – эскадрилья прошла над всем квадратом на карте, и не было ни одного корабля, лишь тела и обломки. А стрелки топливометров уже склонялись к опасной черте.

Если бы они не спешили на запоздавший призыв, а шли на крейсерском режиме! Если бы не тратили бензин на бесполезные поиски! Если бы все пилоты эскадрильи умели, как сам Танабэ, регулировать режим работы мотора, обеспечивая максимальную дальность! Теперь им не хватало горючего, чтобы вернуться домой. И дотянуть до корейского берега – тоже!

Кто со мной? На запад – где есть шанс встретить гайдзинов! И забрать их жизни до того, как упадешь в море сам. А кому жизнь дороже чести, тот может лететь назад, у берегов Японии есть шанс, что вас подберут. Откликнулись лишь трое из одиннадцати, сам Танабэ четвертый, остальные повернули назад. Не самураи – мясо! Жаль, что в этой войне выживут именно такие!

Из четверых не долетел никто. Отстал и упал в море один, второй, третий, вот и у самого Танабэ зачихал и остановился мотор. И лишь равнодушное синее море под крылом и пустое небо вокруг. Полоска далеко, на самом горизонте – берег Кореи. Но до него не дотянуть! Можно прыгать, но зачем? Чтобы умирать в море, если только не выловят гайдзины? Для самурая почетна смерть на поле боя, в доспехах и с оружием в руке. А что есть оружие для пилота? Значит, надо остаться в кабине истребителя до конца. Пресветлая Аматаэрасу, я иду к тебе!

Еще через минуту над местом, где упал «зеро», появилась пара Ла-11. Ведущий доложил на пункт наведения, что наблюдал падение японца в море – наверное, мотор сдох, ведь говорили пленные, что у них на самолетах военной сборки

нередко в полете отказы? И пожалел, что не хватило всего ничего, чтобы записать этого самурая себе на счет, – ну что там, на локаторе, стоило навести поточнее?

Подводная лодка Н-4.

Японское море, восточнее Вонсана.

Вечер и ночь 23 июня 1945 года

Видяев смотрел в перископ. Ну вот он, «Ямато», краса и гордость японского флота! Хотя «Тирпиц» повнушительнее выглядел тогда, в сорок втором. Получив всего лишь одну летающую торпеду, которую потомки называли «Гранит», – но все же был на грозный боевой корабль похож. А это, что пока еще болтается на поверхности, но упорно не тонет, – как может выглядеть даже линкор, по которому отработала, наверное, целая авиадивизия? Из штаба передали – раз уж вы там, то второй авиаудар отменим, значит, первый уже был, и хорошо прилетело самураям? Линкор больше на громадный железный понтон похож, «охваченный морем огня», как в песне про «Варяга».

Даже легкое разочарование есть – ну ничего похожего на «моделирование на компьютере», как на курсах у Лазарева было. Атака японской эскадры, с прорывом к главной цели через плотный эскорт эсминцев – сколько тогда приходилось попотеть, чтобы увидеть на экране осточертевший уже силуэт, в перекрестье визира – «Ямато», «Мутсу», «Тайхо», «Унрю», «Дзуйкаку»? И еще надо было оторваться от преследования, зело упорного и квалифицированного – причем характеристики японских гидролокаторов «при прохождении на высших уровнях», скорее, американским сонарам соответствовали. А при наивысшей сложности, когда ты уже, казалось, оторвался успешно, происходил «выход босса», как отчего-то называл это Лазарев, появлялась подлодка-охотник, ждущая в засаде!

– Так ведь нет пока такого у японцев!

– А если появится? Немцам не уподобляйтесь, чтобы – как противник не готов, так «жирные годы», а как нормальное ПЛО, то скисли!

Так что ожидал чего-то похожего. Ради чего их, командиров «акул», и готовили, чтобы разделать под орех японский флот, третий в мире по силе. Но летчики успели раньше. Ну что ж, добьем – что еще остается, зачем сюда шли, спешили? Условия полигонные, большая цель в пяти кабельтовых, скорость не больше пяти-шести узлов. Шесть торпед, полный залп – даже жалко «СН» тратить, но в этот поход «белые акулы», с учетом ожидаемой большой драки, простые прямоходные не принимали вообще. Перископ опустить, противодействия не ожидается, но положено так. Пять взрывов невооруженным ухом слышали по истечении времени, как положено с такой дистанции, по секундомеру минута двадцать две – минута сорок. Одна не попала или не сработала – командир БЧ-3, запись в журнале? Инструкция ведь действует, при каждом применении (а особенно несрабатывании) «умных» торпед после сдать бригадному минеру (а он в штаб флота отправит) подробное описание, все данные стрельбы и кучу сопутствующего, вплоть до гидрометеоусловий и магнитного склонения места. Есть шестой взрыв, акустик докладывает, судя по времени, самоликвидатор сработал!

«Ямато» ход потерял, но не тонет, собака! Хотя половина торпед с неконтактными взрывателями были, должны днище проломить, в обход ПТЗ! Или просто большой слишком, долго будет помирать? Торпеды ценные, жалко. Вроде кренится. Подождем?

У нас ведь вторая задача есть, штабом флота поставленная. Раз нас на этого зверя вывели, вместо повторного авиаудара. Провести поиск и спасение наших сбитых летчиков. И прихватить для разведотдела пленных, желательно в чинах. Так эта большая сволочь потонет, наконец, или нам еще торпеды тратить? Уже темнеет, как плотки будем искать?

И тут доклад акустика – подводная лодка, под дизелем. Еще кто-то из «акул» на помощь торопится? Или местные, в надежде, что-то и им перепадет? Лазареву было хорошо, «компьютер» звук анализировал и выдавал не только тип корабля, но даже конкретный экземпляр, если он прежде встречался и в «базу данных» попал. А у нас только ухо акустика и его память. Слушай, ты же «акул» от местных «щук» отличал – на что больше похоже?

Не отличить. Может, и впрямь свой? Так чего же он внаглую к цели над водой прется, ведь заметят? Судя по дистанции, ему уже погрузиться пора и заходить в атаку под водой. Никто из «акул» так рисковать бы не стал. Может, союзника бог сюда занес – хотя все, что севернее Корейского пролива, это наша

оперативная зона? Или все же японец? Топить или не топить? Так успеем!

Акустик докладывает: слышны разрывы на воде снарядов среднего калибра, пеленг близок к тому, что на подлодку. На «Ямато» еще какая-то артиллерия осталась, он стреляет. Значит, там все-таки не японец был? Чего же тогда так глупо подставился? Перископ поднять, выходим в повторную атаку! А ведь интересное выходит кино – что за черт?!

В стороне от туши линкора виден силуэт подлодки, и с нее что-то передают ратьером, ясно виден мигающий огонек. Предположение, что наш или союзник в таком положении предлагает линкору сдаться, отбрасываем как бредовое. Значит, все же японец – убеждает тех, кто на «Ямато», что он свой. А чего же по нему стреляли – так не иначе за нас приняли! После нашей атаки едва полчаса прошло – решили, что тот их противник всплыл? Так, вроде разобрались, не стреляют больше. И лодка подходит к борту линкора, что там дальше происходит, не видно, но явно не сплетнями обмениваться, а по серьезному делу. Ну а мы позицию займем – отходить будут в восточный сектор, нечего самураям делать в других направлениях! Если кого-то или что-то важное забрали – то повезут домой.

А они долго, однако! Стемнело уже совсем, ничего не разобрать. Можно выставить антенну и запросить, для полной уверенности, нет ли здесь лодок наших или союзников. Передача сжатая в секундный импульс, японцы не перехватят и не запеленгуют. И подождать, что ответят. Чем все же они там занимаются, нам уже ждать надоело! Что они могли незаметно отвалить, не смешите, акустикой бы услышали точно!

Наконец, двинулись! Ими и займемся в первую очередь – линкор никуда не убежит. А тут, похоже, что-то ценное вывозят! Готовы две торпеды на кильватер и две противолодочные, если погрузиться успеют. Луна вышла, не полнолуние, но можно что-то разобрать – вот он, самурай, силуэт на нашу «эску» похож, могли бы и спутать. Позицию мы изначально выбрали хорошо, ну чуть вперед продвинуться в малозумном режиме, на маломощных и тихих «моторах подкрадывания», не могут японцы нас услышать, в режиме полной тишины. Дистанция четыре кабельтова, практически в упор, промахнуться сложно. Ну, получай, фашист, торпеду! Услышал что-то, в последний момент начал отворачивать, – но поздно уже. Обе попали – одна сразу в борт врезалась, вторая кильватер захватила. Для средней лодки – а это, похоже, тип Ро, на девятьсот тонн, по справочнику – смертельно, без вариантов!

Теперь с большой сволочью, «Ямато», разберемся. Если еще не затонул – торпед не пожалеем. И приступим к выполнению второй поставленной задачи!

Капитан-лейтенант Симидзу Иширо, командир подлодки Ро-50

23 июня в три часа дня я получил приказ, следовать к эскадре адмирала Морисита. Найдя, доложить о ее состоянии. И спасти самого адмирала с его штабом.

Приказ вверг меня в уныние. Если сильная эскадра Императорского Флота, вблизи от берегов Японии, подвергается настолько большой опасности, что ее состояние и координаты точно неизвестны. Но надо было выполнять – и Ро-50 направилась в предписанный район, восточнее Вонсана. По пути следования дважды пришлось погружаться от русских самолетов. Наконец, уже на закате солнца был обнаружен линкор «Ямато» в сильно поврежденном состоянии, других кораблей рядом не было. При сближении Ро-50 была неожиданно обстреляна вспомогательной артиллерией линкора – это недоразумение было устранено, после того как мы обменялись опознавательными.

Мне приходилось прежде видеть «Ямато». И больно было смотреть, во что превратился грозный и красивый линкор, принявший десяток прямых попаданий тяжелых авиабомб и несколько торпед. Причем торпедная атака была незадолго до нашего появления, чем и объясняется «салют» при встрече, нас приняли за русскую подлодку. На мой вопрос о состоянии корабля пришел ответ: «через два-три часа пойду ко дну».

Я запросил разрешения встать борт к борту, отсутствие волнения это позволяло. В то же время были все основания считать, что русская лодка после атаки поспешила уйти из этого района, это азбука тактики подводников, и подтверждением мог служить факт, что «Ямато» не был добит. А приказ должен быть выполнен – поднявшись на борт, я лично сказал о том адмиралу Морисита.

Изменилось бы что-нибудь, если бы, в строгом соответствии с приказом, адмирал со своими офицерами тотчас же сошел бы на мою лодку, и мы немедленно отправились бы домой? Думаю, что нет, – ведь как оказалось, русский подводный убийца ждал лишь удобного случая, чтобы нанести удар! Но я хочу

рассказать о том, чему был свидетелем.

Адмирал категорически отказался спасаться один. Сначала он спросил меня, сколько человек я могу взять на борт. А затем, обратившись к офицеру, исполнявшему обязанности командира линкора, приказал отобрать среди экипажа тех, кто еще будет полезен Японии, – отбирая не только по квалификации и опыту, но и еще больше по морально-психологическим качествам, «в ком сильнее дух истинного самурайства». Процедура была проведена, причем свидетельствую, что экипаж отнесся к ней в высшей степени достойно, без возмущения и видимого падения боевого духа. Напротив, наша вера, что страна Ямато будет жить и с честью выйдет из временных трудностей, укрепилась при виде того факта, что самых достойных, при самом тщательном отборе, оказалось втрое больше, чем было задумано взять! И адмирал сначала хотел предложить тянуть жребий, а затем приказал мне, погрузить всех!

Экипаж Ро-50 составлял 54 человека. Сверх того на борту оказалось еще 287 героев из команды «Ямато»! Люди не только заняли все мыслимые места в отсеках, но стояли и сидели на палубе – конечно, при необходимости погрузиться, они были бы обречены, но это все же была лишь вероятная смерть, в сравнении с гарантированной гибелью на обреченном линкоре. И конечно, со всеми почестями был перенесен портрет Божественного Тэнно.

На «Ямато» осталось еще больше тысячи человек. Включая раненых, которых на лодку не брали. Японии сейчас нужны здоровые солдаты, а не калеки. Мы надеялись, что смерть тех, кому не повезло вытянуть счастливый билет, будет быстрой и легкой. А не такой, как у американских моряков, которую я видел в сорок втором, когда был старшим помощником на другой лодке. Тогда мы заставили их бежать через строй наших матросов, вооруженных палками и мечами, – после чего тело сбрасывалось за борт. Бусидо гласит, что жизнь сдавшегося врага не стоит и горстки пепла. Потому мы ждали от русских и американцев точно такого отношения, как бы мы сами поступили с ними.

С таким количеством пассажиров мы, наверное, не смогли бы погружаться. Даже если не брать в расчет гибель тех, кто на палубе, – воздуха в отсеках просто не хватило бы для дыхания такого числа людей. Надежда была лишь на то, что Ро-50 была совсем новой лодкой, вступившей в строй полтора года назад. И почти двадцати узлов надводного хода должно было хватить, чтобы за ночь отойти миль на полтора к юго-востоку, а там уже не слишком далеко до берегов Японии, и авиация может нас прикрыть, когда мы пошлем радиограмму.

Казалось, боги не оставили нас своей милостью. Но вдруг мы увидели следы торпед, несущихся к нашему борту! И поздно было уже погружаться или менять курс. Взрывы были страшны, кормовая часть лодки со всеми людьми на палубе просто исчезла, а рубка оказалась вровень с водой. У всех, кто был внизу, в отсеках, не было ни единого шанса. Может быть, боги решили, что земная история народа Ямато завершена, и надо взять на небо лучших?

Уцелело лишь пятнадцать человек – те, кто были наверху и не оказался ранен или контужен. И адмирал был среди нас – задержавшись на мостике, рядом со мной. Один из матросов отдал ему свой пробковый жилет. И была страшная ночь, люди тонули один за другим, не в силах бороться, или же в жилетах плавали мертвые тела. К утру остались лишь я и адмирал. Я сказал себе, что должен жить, хотя бы затем, чтобы рассказать о подвиге во славу Японии, свидетелем которого был.

Откуда-то возникла надувная лодка, в которой сидели трое. Это оказались русские, экипаж сбитого бомбардировщика. Отчего-то они не пристрелили нас в воде и не забили веслами, а вытащили к себе. Мы были слишком измотаны и безоружны, чтобы оказать сопротивление, русские были в гораздо лучшей физической форме, у всех у них были пистолеты, и даже один автомат. И эти русские были уверены, что их скоро спасут, – судя по тому факту, что они дали мне и адмиралу по несколько глотков из фляги, а не берегли воду исключительно для себя. Затем мы увидели подводную лодку, и я подумал, что если это японская субмарина, то я попрошу, чтобы этим русским дали быструю смерть, обезглавив мечом. Но старший из них показал гранату, и я понял, что эти гайдзины скорее взорвутся, чем пойдут в плен. И это оказалась русская подлодка, причем та самая, что потопила нашу Ро-50.

Гайдзины обращались с нами по-лицемерному вежливо. Не били, не пытали, – но подвергли нас самому страшному унижению, заставив пройти строем по своему Владивостоку. Фотографировали и печатали снимки в газетах – те, чьи лица можно было узнать, были опозорены навек! Тогда нам казалось, что нет ничего страшнее – полная потеря лица, после которой нельзя жить.

А когда мы вернулись наконец домой, то увидели, что случилось еще более страшное. До нашего позора никому не было дела – потому что лицо потеряла вся Япония.

26 июня 1945.

Токио, Императорский дворец

Нередко бывает, что труп, попавший в огонь, вдруг начинает двигаться, словно живой: шевелит рукой, поворачивается или словно пытается сесть. Это явление, способное напугать несведущих, объясняется всего лишь сокращением мышц под действием высокой температуры. Мертвое тело остается мертвым, лишь ненадолго приобретая жуткую иллюзию жизни, на самом же деле ему недолго остается до превращения в пепел...

Таким трупом казалась сейчас императору Хирохито Япония. Еще воют солдаты, делают оружие рабочие, командуют офицеры, но все это только последние движения уже неживого перед сожжением в огне вражеского нашествия.

На новом совещании Высшего совета управления войной, где сегодня председательствовал божественный микадо, присутствовали те же, что и на предыдущем, за исключением адмирала Тоеда, командующего Объединенным Флотом. Судьба его, так же как и адмиралов Одзавы и Мориситы, была неизвестной. Зато всем было известно страшное: флота у Японии больше нет.

– Авианосцы погибли все, – сухим голосом говорил адмирал Енаи, – и огромные потери среди палубной авиации. Из линкоров – остался один «Харуна», в Куре, заканчивает ремонт после повреждений, полученных в прошлом году у Филиппин. Тяжелые крейсера – остались лишь «Такао» в Сингапуре, и «Аоба», также завершает ремонт. Легкие крейсера – уцелели лишь «Ойода», в ремонте, и «Сакава», единственный, пребывающий в строю. Учебные крейсера – «Кашии» в Сингапуре, и «Кашима» в Метрополии, в Куре, также в строю. «Флотские» эсминцы, так же как корабли ПВО тип «Акицуки», погибли полностью, будучи расходным материалом во всех сражениях. Старые эсминцы, эскортные эсминцы и миноносцы – уцелело одиннадцать штук, в реестре указано. В постройке авианосец «Ибуки», с готовностью не раньше января следующего года, и три авианосца типа «Унрю», второй серии, готовность не раньше следующего лета, при условии бесперебойного обеспечения ресурсами, что под сомнением. Также на стапелях два эсминца ПВО тип «Акицуки», к постройке еще двух, из того же заказа, фактически не приступали, из-за отсутствия металла. Подводные лодки – в строю восемнадцать единиц в Сингапурской эскадре и шестнадцать здесь, в

Метрополии. Но в постройке сорок малых скоростных субмарин нового поколения, из которых десять могут быть введены в строй до конца лета, опять же при условии обеспечения ресурсами. И восемь «средних скоростных», аналог немецкого «типа XXI», из которых шесть также могут поднять флаг в течение лета-осени, точнее сказать затрудняюсь, из-за все той же неопределенности с ресурсами. По малым кораблям, как эскортные, тральщики, канонерские лодки и минные заградители, а также катера всех типов – подробно указано в реестре. Скажу лишь, что эскортные флотилии понесли неожиданно большие потери от русской авиации – положение настолько серьезно, что мы не рискуем в дневное время посылать корабли в район Курильских островов и пролива Лаперуза. Русские подводные лодки замечены у восточного побережья Хоккайдо, и даже у входа в Сангарский пролив. И есть достаточные основания полагать, что русская «Моржиха», она же «Полярный Ужас», здесь. По крайней мере, разгром эскадры Одзавы это что-то запредельное для обычных подлодок. Мне тяжело это говорить, – но русские имеют сейчас господство на море, в водах севернее и западнее Метрополии. И Флот в настоящий момент не может это изменить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

О ходе измененной истории см. предыдущие книги цикла.

2

Смотри «Морской Волк».

3

Смотри «Северный гамбит».

4

Описание соответствует «Щуке» V серии, к которой и принадлежала Щ-108, постр.1933 год.

5

Ресурс ствола зенитки 100/65 обр. 94 всего 350 выстрелов, при боезапасе ЭМ тип Акицуки, 300 снарядов на орудие.

6

В нашей реальности это и случилось.

7

Именно так погиб линкор «Новороссийск».

В нашей реальности капитан 3-го ранга Бочаров П. И., командуя на Балтике Щ-407, потопил «Зеебург», третий по размеру немецкий корабль, после «Густлофа» и «Штойбена», уничтоженный нашими подводниками. Также к числу достоверных побед следует отнести транспорт «Нордштерн», потопленный при следовании в конвое. Однако же ни Щ-407, ни ее командир не удостоились за войну никаких наград. Так как Бочаров до 1943 года командовал на ТОФ лодкой Щ-123, то весьма вероятно, что в альт-реальности он будет одним из первых кандидатов на «немки».

Капитан 1-го ранга в советском флоте.

Герр Байрфилд называет должность старпома, как ему привычно в кригсмарине. Хотя аналогия не точная – на немецких лодках «первый вахтенный офицер» это еще и командир БЧ-1-4.

И для ПЛ США тип «Балао» и «Гато». Герру Байрфилду следовало быть внимательнее – у американцев рубка башнеподобная, а у японцев удлиненная, из-за самолетного ангара. Но если смотреть в сумерках и под острым курсовым углом, то действительно можно ошибиться.

12

По плану, собирались построить 100 больших ПЛ тип К. 20 для СФ (с К-1 по К-20), 20 для КБФ (с К-21 по К-40), 10 для ЧФ (с К-41 по К-50) и 50 для ТОФ, с К-51 по К-100.

13

Исторический факт.

Купить: https://tellnovel.com/ru/savin_vladislav/krasnyy-tayfun

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)